

Роман Волков
Моя снежная мечта, или
Как стать победительницей

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7273711

Волков Р. В. Моя снежная мечта, или Как стать победительницей : роман : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69770-0

Аннотация

Наташа с детства любила лыжи и снег. Для нее бежать по безлюдному заснеженному лесу всегда было настоящей радостью. Она наслаждалась скоростью и свободой. Поэтому не случайно биатлон стал для девушки самым любимым видом спорта, без которого она не мыслила своей жизни. Но оказалось, что победить на соревнованиях не так-то просто, ведь, помимо воли к победе, упрямыства и натренированных мышц, необходимо уметь защищаться от интриг соперниц, противостоять нечестному судейству, а еще... нестись по лыжне вперед, словно на крыльях! Сможет ли девушка из глухой сибирской деревни стать новой звездой биатлона и доказать всему миру, что она достойна золотой олимпийской медали?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Часть вторая	15
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	22
Глава седьмая	24
Глава восьмая	27
Глава девятая	31
Глава десятая	33
Глава одиннадцатая	34
Глава двенадцатая	37
Глава тринадцатая	39
Глава четырнадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роман Волков
Моя снежная мечта, или
Как стать победительницей

© Волков Р., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Глава первая

Хотя Егору Ивановичу Тобурокову недавно стукнуло пятьдесят, он все равно выглядел крепким поджарым мужчиной слегка за сорок. Седина лишь слегка тронула его длинные, черные как воронье крыло волосы и редкую якутскую бороду.

Но сам он себя считал древним стариком, и поведение у него было такое же – медленное, неторопливое. Много он повидал в жизни. И якутский охотничий промысел, и армию, и тайгу, и стычки с лесниками и браконьерами, и треснувший лед на маленькой речушке, и диких волков, и больницы.

Дома со своей очень рано постаревшей женой он не жил, а отбывал повинность в заготконторе, куда он приносил шкурки, говорил мало, а вот когда натягивал лыжи, брал собак, поправлял рюкзачок, расчехлял оружие и устремлялся в чащу, на его лице появлялась улыбка.

Он любил одиночество, снег, обжигающий мороз, свою старенькую винтовку с дедовской трофейной оптикой, двух беспородных псов – Севера и Даньку – и охоту. А вот шум, разговоры, людей, детей он не то чтобы ненавидел. Просто они существовали в абсолютно разных мирах, враждебных друг другу, как, например, рыба и воздух. В зимнем лесу Егор Иванович чувствовал себя именно как рыба в воде. Тут он жил по одиннадцать месяцев в году, выбираясь на несколько дней в свою деревеньку, скупко обнять жену, сдать пушнину, получить деньги, передать их жене, купить патроны, дробь, соль, спички и снова уйти в лес.

Странное это было время, страну лихорадило и корежило, а Егор Иванович этого не знал: телевизор он не смотрел, радио не слушал, телефона не имел, обходился только звериным чутьем. Вот и в этот раз он забрался так далеко, как давно уже не заходил, ночевал в заброшенных охотничьих сторожках, вышках, землянках, а то и просто на снегу, постелив лапник на лыжи, потом пенополиуретановый коврик, прожженный искрами в тысяче мест, и закутавшись в старенький, но очень теплый спальный мешок. Собак он решил не брать: эта экспедиция была только его, и он наслаждался тем, что их двое – он и мир. Тобуроков шел и шел, уходя от стычек с большим зверем, белкуя и подстреливая соболя, не самого ценного на Алтае. Не для денег. Для охотничьего азарта.

Он мягко ступал по глубокому снегу в широких охотничьих лыжах и улыбался: так ему было хорошо и уютно в этом огромном заснеженном мире. Только вдруг улыбка стала спадать: из большой полянки, покрытой девственным снегом, уходила вдаль широкая тропинка. А уже за ней виднелись черные крыши избушек.

– Черт возьми, и здесь эти проклятые люди... – подумал Егор Иванович. Он замер на минуту, слушая, как скрипят на ветру деревья, а где-то вдалеке стрекочет дятел.

– Ладно, – снова подумал Тобуроков. – Коли вышел на деревню, глупо крюка давать. Может, деревня на меня вышла, а не я на нее.

Он быстро побежал своими широкими лыжами по неглубокому снегу. В самом деле тут наверняка живут охотники. Можно пополнить запас патронов, залатать сеть для обмета (вчера соболю умудрился сильно ее прогрызть), взять немного соли и сухарей – тогда можно побродить по лесу еще лишний месяц.

Тобуроков вдруг начал широко раскрывать свои и без того широкие якутские ноздри. Пахло гарью. Причем не свежей, а такой, застоявшейся, прибитой морозом. Охотник ускорил шаг, снимая винтовку с плеча. Не нравилось ему все это.

– Смертью пахнет, – прошептал он и после небольшой паузы перекрестился. Наконец перед ним предстала деревня, маленькая, домов десять. Такое иногда бывает среди лесов, когда охотники объединяются, привозят семьи и устраивают небольшие поселения, чтобы больше набивать дичи.

Только это деревня сгорела дотла. Вместо домиков высились в разные стороны обугленные еще дымящиеся головешки, лишь в самом центре торчала черная труба русской печи.

– Вот те раз... – прошептал Егор Иванович. – Что же это такое... Пожар, что ли, был... Или люди лихие пожгли...

Он проехался мимо останков домов. Попытался заглянуть под обломки, но решил, что это уже лишнее. Ощущение было нехорошее, тяжелое. Охотник почувствовал, как по лбу, несмотря на холод, поползла струйка пота.

– Плохое место, плохое, – шептал Егор Иванович. Он круто развернул лыжи и устремился к лесу, как вдруг резко остановился. Ему почудился странный звук, похожий на визг какого-то животного.

– Собака, что ли, скулит? Или лиса?

Он снова развернулся и вслушался. Звук повторился, но сейчас стало понятно, что это детский плач. Охотник сорвал рюкзак, бросил на землю и, не выпуская винтовки из руки, подбежал к разрушенным избушкам. Плач раздавался откуда-то из глубины, был он какой-то приглушенный. Протопав по головешкам, Егор Иванович добрался до огромной закопченной печки, резко сорвал заслонку и бросил ее на снег.

Из черного отверстия на него выглянула, щурясь от сверкающего на солнце снега, девочка лет четырех. Она была вся взерошенная, черная от сажи, как негритенок, только слезы проделали белые ручейки на щеках.

– Ты что ж это?.. – забормотал охотник, вытаскивая девочку из печки. Она сразу вцепилась в него и перестала плакать.

– А где родители твои? Где все?

– Люди плохие приезжали... На больших машинах... стреляли... не из винтовок, а так тра-та-та... такие штуки горящие бросали... и такие, которые бабахали потом... Пожар был... огонь... – шептала девочка. – Все сгорело... я в печке спряталась... папка тушить побежал... С винтовкой... Мамка тоже... Дядя Саша...

– Что за чертовщина... – подумал Егор Иванович. Он слышал о том, что браконьеры нападали на охотничьи заимки, убивали всех подряд и забирали охотничьи трофеи, оставляя после себя только пепелище. Но сам впервые увидел такую разоренную деревню, где в живых остался лишь один ребенок.

– И что же мне с тобой делать? – спросил он девочку.

– Не бросай меня...

– Да куда ж тебя бросить...

Охотник напоил и накормил девочку, закутал ее в спальник и порченные шкурки, посадил в рюкзак и двинулся в лес. Под тяжестью двух тел лыжи начали глубоко проваливаться в снег, скорость хода замедлилась.

«Ну и куда ее? – думал Егор Иванович, слыша за спиной посапывание девочки. – До дома я ее не доволоку. Да и зачем? Детей не люблю. Заниматься с ней не буду. Старуха моя – тоже. Нет, надо сделать по закону. Сообщу в милицию, пусть разбираются. Я человек маленький».

Он поменял направление и через полдня добрался до трассы, а еще через полчаса уже мчался по направлению к городу в кабине большегрузной фуры, держа спящую девочку на коленях.

Девочка проснулась, пыталась заговорить с охотником, но тот упрямо молчал, отворачивая голову в сторону.

«Время я теряю, – размышлял он. – По-человечески поступил: спас девочку. Теперь пусть государство ей помогает. Может, родственников найдет. Может, еще чего. Я-то ей кто? Никто».

Когда Тобуроков передал ее усатому капитану милиции, девочка снова заплакала. Она уже привыкла к запаху его куртки, такому же знакомому, как и у отца, который куда-то пропал, но обязательно скоро найдется...

Глава вторая

На все попытки выяснить хотя бы ее имя девочка молчала. Ей не нравился этот капитан милиции и его усы, и неуютна была ей вся эта казенная обстановка кабинета, отделения, вообще всего райцентра. Где ее лес, где ее папа, где дядя-охотник, который должен был пойти искать папу, а вместо этого привез сюда...

Капитану тоже недосуг было долго с ней возиться. Свои проблемы есть, в конце концов. Раскрываемость по району падает, отчетность ни к черту, эта мелочь чумазная статистику тоже не улучшает. А жена потом дома пилит, что надо было за Ваську Петровичева выходить, он уже вон в самом Зеленограде начальник паспортного стола, а она тут с ним так и умрет в тоске в райцентре.

«Да ну ее правда, – подумал капитан, глядя на упорно молчащую и смотрящую исподлобья девочку, – отвезу ее в больницу, пусть сами в детдом сдают. А, не, паспортисткам сначала, пусть документ выпишут на имя Зоя, Зоя Дубова пусть будет, лесной подарочек, тоже мне».

Капитан толкнул дверь кабинета паспортного стола:

– Привет, девочки! Кому подарок?

– Привет, подарок?! – зашебетали «девочки» от сорока до пятидесяти в густом макияже и излишне нарядных платьях. Было очевидно, что, кроме работы, в этом райцентре ходить особо некуда.

– Да Тобуроков из леса подсуропил. Наткнулся на пепелище. Деревня там, оказывается, была охотничья. Пожгли всю к псам, – капитан прибавил крепкое слово и махнул рукой для большего драматизма, видя, как «девочки» внимательно его слушают. Не то что жена Ленка.

– Так это кто у тебя там? Собака, что ли? – спросила дама в летах высоким по-детски голосом.

– Да, Катя, как же! Попер бы Тобуроков собаку от большой любви ко мне и к животным! Девка это!

Он посадил сверток на стул и скинул с него одеяло и шкурки охотника. Паспортистки увидели очень грустную, настороженную и насупленную девочку лет четырех.

В воздухе повисло дружное «ах». Потом «ох».

– Короче, девочки, быстро запишите мне ее Зоей Дубовой, и я ее в больницу повез, некогда мне. А уж потом я вас отблагодарю, – и он даже попытался подмигнуть, подкрутив одновременно ус.

Самая младшая из паспортисток подбежала к девочке, Верочка Лобова, вечная девушка, любительница классической литературы. Она действительно выглядела довольно молодо для своих сорока лет, да и мыслила все еще по-молодому идеалистично. Она попыталась взять девочку за ручку, но та отдернула и зарылась ладошками в свое грязное платье.

– Зоя? – спросила паспортистка.

Девочка в ответ только покачала головой.

– Так она Зоя или нет? – спросила девушка капитана.

– Да почему я знаю! Сама видишь – звереныш, слова не вытянешь. В больницу ее надо. Может, ее там волки в лесу покусали, может, бешенство у нее, смотри вон дикая! Пусть будет Зоя, как Космодемьянская, раз молчит как партизан.

– Это же ребенок! – воскликнула Верочка, по-театральному всплескивая руками, – ее надо угостить конфеткой!

Тут встала Ираида Марковна, женщина солидная и практичная, предпенсионного возраста.

– Дура! – шикнула она на Верочку. – Ее надо умыть и узнать имя!

Ираида Марковна нависла над девочкой и принялась командовать:

– Девочка! Ты хочешь всю жизнь прожить с именем Зоя Дубова? Как тебя зовут? Кто твои родители? Пошли умываться!

У малышки и мускул не дрогнул, девочка молчала и только глубже отодвигалась к спинке стула.

– Что я говорил?! – гордо и солидно сказал капитан. В этот момент он чувствовал себя хозяином положения, хоть и за счет несчастного ребенка. Но мысль быстро отправилась далеко в глубины сознания.

В паспортном столе начался консилиум. Близилось время обеденного перерыва, а в магазин, Ираида Марковна слышала, завезли колбасу. Так что быстро постановили, что раз девочка упрямится, пусть будет Зоей Дубовой. Им своих дел хватает.

Быстро напечатали справку, шлепнули печать, завернули обратно в шкурки и всучили капитану.

В районной больнице дежурная сестра приемного отделения тоже несильно обрадовалась. С ее копеечной зарплаты копилась только бесконечная усталость от одинаковых дней, нескончаемой писанины, вечной экономии, ночных дежурств и недосыпа. Пациенты – взрослые или маленькие – давно уже вызывали в ней не больше эмоций, чем болванки на станке у столяра.

Она приняла и записала как положено девочку. Шкурки, которые Капитан пытался оставить себе, не дала. Положено сдавать всю одежду поступающих в лечебное учреждение на хранение в шкафчик!

– Всю одежду, – гордо подчеркнула женщина. Она тоже, пожалуй, впервые за годы ощутила себя человеком, пусть даже и за счет стареющего милиционера. Впрочем, эта мысль тоже быстро пропала куда-то в бессознательное.

Капитан, наконец, ушел, одновременно облегченно вздохнув и с досадой сплюнув на землю.

Сестра передала девочку в инфекционное отделение на осмотр. Врач завела карточку на имя Зоя Дубова и пошла принимать новую пациентку.

Врач оказалась молодой женщиной лет тридцати. Она не могла иметь своих детей, поэтому к чужим относилась с особым трепетом и невысказанной нежностью.

Но такую дикую и закрытую девочку она видела впервые. Во время осмотра та делала все, о чем ее просили, но не отвечала ни на один вопрос.

Не найдя ничего по своей части, врач записала ее на осмотр к лору – а вдруг девочка глухонемая? И к психиатру, все-таки у ребенка шок, ее же, кажется, нашел в лесу на пепелище местный охотник. Так передала ей дежурная сестра со слов капитана...

«Что она там делала, на этом пепелище?» – мелькнула мысль, тут же вытесненная насущными проблемами и делами.

Вымытую и одетую в казенный больничный халатик девочку поселили в отдельном боксе на карантин. Туда же дежурные сестры приносили ей еду из больничной столовой и игрушки, которые нашлись в отделении.

Ела она только кашу, совсем чуть-чуть, к игрушкам не прикасалась, в разговоры не вступала и все время смотрела в окно. Когда приходило время спать, послушно ложилась и закрывала глаза.

И только когда во всем отделении гас свет и слышался храп дежурной из сестринской, она начинала тихонько плакать. Маленькие кулачки сжимали казенное колючее одеяло, по похуевшим щечкам текли ручейки слез. Они заливались в уши, за уши, текли по шее, стекая, накапливались в маленьких ключицах. И так напоминали дождь...

Кончается зима, снег начинает таять. Вот она у папы на плечах, он бежит на лыжах через лес к дому, потому что начался дождь. Он стекает по волосам и наливается в ложбинки

под ключицами, а потом выплескивается из них, потому что папа ловко подпрыгивает на кочках. А потом опять накапливается и опять выливается...

Глава третья

Серым и неприветливым летним днем Егор Иванович Тобуроков, постаревший и одетый в потертый костюм, вошел в кабинет директора детского дома.

Он, проводящий все время в лесу и знающий, как подманить любого зверя на его языке, совсем не любил язык людей и сам плохо на нем говорил. Правда, сейчас ему придавала сил и даже некоторого красноречия твердая решимость.

– Здравствуйте! – сказал он после паузы и остановился в дверях.

– Здравствуйте, Егор Иванович, – директор, приятная пухлая женщина в годах, оторвалась от своих бумаг и сняла очки, – почему вдруг к нам?

– Римма Карловна, помните, пять лет назад к вам сюда привезли девочку?

– А, это которую вы в лесу нашли на пожаре?

– Да.

– И что?

– Я хочу забрать ее.

– Куда забрать?

– Себе забрать.

– То есть опеку оформить? Вы это имеете в виду?

– Ну, да. Опеку. Да.

– Егор Иванович, – Римма Карловна сделала такое приятное лицо, с которым обычно не говорят ничего хорошего, – вы, давайте будем откровенны, человек немолодой уже. Это раз. А девочка очень сложная. У нее большие психологические проблемы. Это два. Адаптивность личности полностью нарушена...

Егор Иванович перестал слушать, ибо не понимал ни слова, но сразу уловил, что Римма Карловна против.

Да, о том, что ему могут и отказать, он как-то не подумал. Мирские стратегии не давались старому охотнику. Но у него было чутье, выносливость и упорство. Эти качества компенсировали его неуклюжесть и помогали решать бытовые вопросы.

– Я хочу с ней поговорить, – тихо, но решительно сказал Егор Иванович.

– Егор Иванович... – начала Римма Карловна еще более сладким голосом.

– Я хочу ее увидеть, – так же тихо и решительно сказал Тобуроков.

– Ну посмотрите со стороны. Вы не справитесь, Егор Иванович, тут нужны психологи, психиатры...

– Семья ей нужна, а не эти ваши атры-шматыры! Залечили девку! Я хочу ее увидеть, – стукнул кулаком по столу Тобуроков.

– Хорошо, – сказала Римма Карловна, поняв, старик не отстанет, – идемте.

Темными коридорами, выкрашенными зеленой краской, они вышли во внутренний двор детского дома. Римма Карловна с недовольным лицом отвела Тобурокова в самый дальний угол, где на лавочке, отвернувшись от всех, сидела худенькая девочка лет десяти. Она казалась фигурой из музея восковых фигур, просто сидела и остановившимся взглядом смотрела в сторону кустов, растущих вдоль детдомовского забора.

– Вот, – произнесла Римма Карловна тоном «хотели – получите». Но Тобуроков не различал подобных нюансов интонации и не обращал на тон внимания.

– Спасибо, – отчеканил он.

– Я вернусь через десять минут, если через пять сами не придете, – ехидно улыбнулась Римма Карловна. Женщина не сомневалась, что в итоге она окажется права.

Когда Римма Карловна скрылась за дверями, Егор Иванович подошел к девочке. И понял, что даже не подумал, что он ей скажет. Так они и замерли оба. Девочка – сидя. Охотник – стоя. Вдруг Тобурокова осенило. Он даже не знал, как зовут девочку. Старик подсел к ней на лавочку и спросил:

– Помнишь меня?

Девочка медленно повернула голову в его сторону. Она долго рассматривала охотника. Его длинные, черные с сединой волосы. Крепкую фигуру, потертый серый пиджак, мозолистые руки. Когда девочка увидела эти руки, она неожиданно подняла оживший взгляд и спросила:

– Вы нашли папу?!

Тобуроков вздрогнул. Такого поворота он и вовсе не ожидал и, растерявшись, сказал:

– Да. – К тому же и чутье подсказывало ему, что это единственный способ разговаривать маленькую сиротку.

– Где он? – торопливо спросила девочка.

– Он... он в лесу, на охоте, – Егор Иванович даже вспотел от напряжения. Выходить из леса, говорить с людьми, да еще и сочинять ребенку сказку на ходу. Он уже перевыполнил свой десятилетний план общения.

– А когда он вернется? – глаза девочки горели теперь таким живым огнем, что Егор Иванович, вспомнивший, какой она сидела тут еще пять минут назад и в каких непонятных и неприятных терминах описывала ее до этого директор, понял, что не имеет права погасить эту надежду, не может оставить сироту тут, чтобы она снова превратилась в живую тень.

– Он вернется... осенью. Но мы можем пойти к нему в лес, – чутье вело Егора Ивановича и даже помогало фантазировать. Старый охотник преисполнился уверенности – ребенка вылечит лес, а не эти «атры-шматры».

– Мы можем отсюда уйти? – спросила девочка.

– Да, если ты скажешь Римме Карловне, что ты согласна. Она будет тебе говорить разное... спрашивать... ты на все говори только: «Хочу к Егору Ивановичу и Марии Николаевне». Это жену мою так зовут. Тогда она тебя отпустит и мы с тобой пойдем в лес, к твоему папе. Поняла?

– Да, – неожиданно легко согласилась девочка.

Тобуроков выдохнул. Он совершенно не представлял, что он делает сейчас и что будет делать дальше, но почему-то почувствовал радость и глубокое удовлетворение. Чутье говорило, что сейчас свершилось что-то большое и важное.

– Теперь я пойду к Римме Карловне и скажу, что ты согласна. Оформим там что надо, и я за тобой вернусь... Через несколько дней, – добавил он после небольшой паузы.

– Да, – уже не так живо сказала девочка. Ей казалось, что ожидание папы наконец закончилось и они прямо сейчас выйдут из ворот этого опостылевшего детдома и уже вечером отправятся в родной лес.

Тобуроков снова вошел в кабинет директора детского дома. Только на этот раз решительно миновав дверной проем и без приглашения сев в кресло напротив стола Риммы Карловны.

– Девочка согласна, – коротко и сухо сказал он, – скажите, какие вам там нужны бумаги, я соберу.

Римма Карловна смотрела на Егора Ивановича поверх очков. Смысл сказанных слов, кажется, еще не доходил до нее.

– Вы говорили с Зоей? – изумленно спросила она.

– С Зоей? Какой еще Зоей?

– С девочкой.

Тобуроков осознал, что уже дважды не спросил имени девочки. Ни когда нашел, ни сейчас.

– Нам ее привезли с документами на имя Зоя Дубова, – раздраженно добавила Римма Карловна.

Чутье Тобурокова забило в набат. «Зоя Дубова. Что за черт. Не клеится», – крутилось в его голове.

– Подождите, – сказал он и вышел из кабинета.

Девочка сидела там же на лавочке. Она словно выключилась. Опять была похожа на прибор в режиме ожидания.

Тобуроков подсел к ней.

– Не отпускают? – подняла на него девочка пустые глаза.

– Да нет! Как тебя зовут? – спросил Тобуроков.

– Зоя, – ответила девочка.

– Нет, это они называли тебя Зоей. Как твое настоящее имя?

– Я не помню.

– Вспоминай! – разгорячился Тобуроков. «А тут тоже бывает азартно, не хуже охоты», – мелькнуло у него в голове.

Девочка вздрогнула.

– Я не помню, я была очень маленькая, – сказала она тихо.

– Вспоминай! – настаивал Тобуроков, – как тебя папа звал? Мы придем к нему, и что, ты скажешь: «Теперь я Зоя, папа»?

– Я не помню, – тихо повторила девочка и отвернулась к кустам и забору, – я Зоя, – безнадежно и бесцветно произнесла она.

Тобуроков взял ее за плечи. Оба вздрогнули. Он развернул ее к себе и сказал:

– Уговор будет такой – ты вспоминаешь, как тебя зовут, я веду тебя к отцу. Завтра я опять приду.

Вздурораженный, Тобуроков вышел из ворот детского дома. Ничего не понимающая Римма Карловна провожала его взглядом, глядя в окно своего кабинета. Когда она вышла во двор, девочка все так же неподвижно сидела, уставившись в кусты у забора.

– Разговаривал он с ней. Как же. Молчит как молчала. Из ума старик, видать, выжил, – буркнула директор себе под нос и, немного успокоившись, пошла обратно в здание.

Девочка сидела неподвижно. Так же неподвижен был и ее взгляд. Но теперь он не был пустым, что-то словно подсвечивало теперь глаза изнутри. И они уже были не серыми, а голубыми.

Девочка не видела ни кустов, ни забора. Она смотрела в спину идущего впереди нее отца, палкой пробуящего прочность почвы под ногами.

– Осторожно... здесь топь, дай я тебя перенесу, – сказал он своим сильным и приятным голосом.

– Да папа. А как меня зовут? – спросила она у своих воспоминаний.

– Не отставай... – сказал отец. И снова имя не всплыло в памяти.

– Папа, – шептала она, – как меня зовут?

– Смотри-ка... уже морошка пошла, надо было корзины захватить, – отвечал идущий впереди отец.

– Папа, как меня зовут? – беззвучно шептала и плакала девочка.

– Наташа! – вдруг услышала она резкий крик. – Стой, там топь! Стой на месте, Наташа!

Ты слышишь меня?! – крикнул отец.

– Наташа, – выдохнула она, – Наташа. Да, папа.

– Я – Наташа, – гордо объявила девочка Тобурокову, когда он пришел на следующий день в том же сером пиджаке и сел рядом на ту же лавочку в дальнем углу казенного двора.

– Жди здесь, – скомандовал Тобуроков и пошел к Римме Карловне.

Он снова, в который раз за эти дни, открыл дверь кабинета директора детского дома.

Римма Карловна снова подняла голову от бумаг и сняла очки.

– Здравствуйте, – сказала она сладко.

– Здравствуйте, – сказал Тобуроков.

Он уже немного освоился среди людей и даже разработал стратегию предстоящей беседы: как будет говорить и на что делать упор.

– Так вот, я с ней говорил, Наташа согласна, – отчеканил Тобуроков.

– Наташа?

– Девочка.

– Зоя, вы хотели сказать.

– Я сказал что хотел. Наташа.

– Егор Иванович, некогда мне шутки шутить, да и вам... не по чину.

– Не шучу. Говорил с ней. Сказала, что зовут Наташа, – отчеканил Тобуроков.

– Прямо так и сказала-рассказала, – грустно улыбнулась Римма Карловна. – Вы взрослый солидный человек, все вас знают, Егор Иванович, и вдруг... такой детский сад...

– Вы мне тут что! – разозлился Тобуроков и растерял весь словарный запас. – Позовите девочку!

– Это вам не игрушка, это больной ребенок! – ринулась в бой Римма Карловна.

– Это по-вашему она больная Зоя, а по-моему – здоровая Наташа, и я ее забираю. Она согласна! – уже закричал Тобуроков.

– Вы с ума сошли! Я санитаров позову!

– Девочку позовите!

– Хорошо, я ее сейчас позову, и вы будете извиняться!

– Нет, вы ее позовете, мы поговорим, а потом вы будете извиняться!

– Ждите здесь, мы сейчас придем! – скомандовала разгоряченная Римма Карловна и вышла, хлопнув дверью.

Часть вторая

Глава четвертая

Бесконечная, ослепительно-белая просека просматривалась ярким зимним днем насквозь, но даже из-под покрытых белым инеем ресниц было видно, что на снегу нет ни следа.

– Что такое? – прошептала Наташа.

«Куда зверье девалось?» – как бы спросила она взглядом, обернувшись к идущему за ней на своих широких лыжах Тобурокову.

– Иди вперед, – произнес он одними губами.

Старый охотник знал эти штучки, последний волос из редющей бороды он отдал бы за то, что зверь совсем рядом, даже если нет следов. Наташа послушно кивнула и тихо пошла вперед на таких же широких, как у Тобурокова, только новых, лыжах.

Охотились на соболя. Обычно соболей ловят капканами или кулемками – самодельными ловушками-давилками из дерева. Их расставляли на охотничьем путике, по которому проходили раз в неделю, проверяли все ловушки. Если стреляли, то из-под собаки, она облаивала зверька, сидящего на дереве. Ставили ловушку-обмет, если соболю от собаки ушел в россыпь или под дерево, разводили костер. Зверек выбегал от дыма и треска пламени и попадал в сеть.

Наташа, довольно ловко перекинув с плеча на плечо свою мелкокалиберную винтовку, стала доставать из рюкзака сетку-обмет. Прикопала край глубоко в снег, чтобы соболю не выскочил снизу. «Молодец, не забыла, умница дочка», – довольно думал про себя Тобуроков. Затем разложила сеть у подножия каменной россыпи. Егор Иванович кивнул в сторону камней. Наташа поняла без звука и осторожно пошла выгонять зверька.

Егор Иванович навел винтовку на сеть. Наташа ловко развела костер и после пошуровала в каменной россыпи лыжной палкой, и из нее действительно выскочил соболю.

– В сторону! – крикнул Тобуроков Наташе и, когда она спряталась за деревом, с первого раза подстрелил замешкавшегося в сети зверька.

Наташа вышла из укрытия и подошла к сети. Собрала ее, взяла тушку. «Каждый раз сразу в глаз! Ювелир», – с улыбкой подумала она свою любимую присказку и с гордостью за наставника посмотрела на Тобурокова.

Тот взял тушку и скомандовал располагаться на ночлег. Наташа пошла к ближайшей ели за лапником.

Два года прошло с тех пор, как Егор Иванович забрал Наташу из детского дома. И поначалу пожалел, что забрал. Да еще с таким боем, что история год по городку ходила.

Узнав после серьезного разговора, что к папе в лес они не пойдут, так как папы больше нет, Наташа впала в истерику, буквально завывала, прямо как волчонок. Кричала, катаясь по полу, что ее обманули, что ее заманили, что оставили бы лучше в детдоме, что она не игрушка.

Мария Николаевна, жена Егора Ивановича, была ужасно напугана. Она не понимала, что Наташа выплескивает сейчас все накопленное за время ожидания отца и скитания по казенным домам горе. Что сейчас она осознает ужасную правду о своем сиротском одиночестве. Что маленькая душа жила только надеждой, что однажды папа придет, папа заберет, папа вернет ей лес и счастье. И всех, кто мог этому помочь, девочка начинала любить так же сильно, как папу.

Мария Николаевна не понимала этого и не поняла бы никогда. Егор Иванович понимал, но только своим чутьем, у него не нашлось бы слов поговорить об этом с Наташей.

И Наташа снова замкнулась. Опять выключилась, как сломанный прибор, и даже глаза посерели. Снова ела только кашу, и то по чуть-чуть. Послушно ходила по будням в школу и просто сидела там. Учителей не слушала, учебников не читала, уроков не делала. Марию Николаевну постоянно вызывали в школу, а она и не знала, что может поделаться, только тихонько плакала, склонив повязанную ситцевым платком голову.

В итоге каждый раз они с классной руководительницей сидели молча, а потом расходились со словами: «Что ж тут поделаешь, зверек лесной, сиротка дикая».

Редкими ночами, которые Егор Иванович проводил дома, Мария Николаевна шептала, думая, что Наташа уже спит в своем закутке за занавеской:

– Ну верни девочку, умоляю, боюсь я ее, не понимаю ее, не знаю, как с ней...

Тобуроков, насупившись, слушал жену и молчал. «Может, правда вернуть?» Он и сам думал об этом. Но потом решил: «Не котенок же – взял, вернул. Пойдем до конца теперь, до победного».

Потом и жене ответил так же:

– Не котенок это, Марья, взял, вернул...

Мария Николаевна поплакала снова и смирилась, как смирилась в свое время с тем, что муж ее не любил, и снова предоставила все решать ему самому. Только исправно готовила да убирала и ходила в школу по бессмысленным вызовам классной руководительницы.

Ранним зимним вечером Мария Николаевна и Наташа сидели у телевизора. Егор Иванович как всегда был на охоте. В его отсутствие жена и удочеренная девочка соблюдали полный суверенитет. Но в этом молчаливом союзе они уже выработали свои привычки и негласные правила.

По утрам Мария Николаевна будила Наташу, заходя в комнатку и распахивая шторы. Девочка знала, что на столе уже стоит каша, а на спинке стула висит приготовленная для школы одежда. После уроков ее ждал суп, после супа уроки, после уроков вечер у телевизора. Мария Николаевна вязала, Наташа сидела, погруженная в свои мысли. Так проходили их дни, одинаковые, как камешки в холодных сибирских реках.

Этот вечер начался по такому же привычному сценарию. И закончился бы так же, если бы по телевизору не началась трансляция соревнований по биатлону. В личных гонках выступали наши юниорки. Лыжи отточенными движениями резали ослепительно-белый снег. Винтовки как влитые ложились в руки, невидимые пули выбивали черные круглые мишени. Наташа смотрела на экран точно замороженная. Все это казалось ей виртуозно отработанным танцем. Она представляла себя на месте каждой девушки и отчетливо слышала шуршание снега под лыжами, хлопки винтовки возле уха, ощущала ее вес и даже прищуривала глаз.

Второй раз в жизни ее обычно серые глаза засветились и стали голубыми. Мария Николаевна, оторвавшись от вязания, заметила это молчаливое воодушевление и наблюдала за девочкой затаив дыхание. Она была женщиной тихой и всегда готовой со всем смириться, как уже смирилась с холодным Наташиным безмолвием, как в свое время смирилась с провинциальным бытом и постоянным отсутствием мужа. Старушка даже находила в этом свой покой и определенность. Поэтому неожиданная Наташина реакция сначала ее напугала. Когда Егор Иванович вернулся на пару дней с охоты, она все-таки рассказала ему о том, что видела.

– Смотрела не отрываясь, вздрагивала от каждого выстрела.

– Испугалась, что ли? – уточнил Егор Иванович.

– Да нет, наоборот! Смотрела, смотрела, вздрагивала, словно сама стреляет. И светилась как будто.

– Скажешь вечно, Марья! Светилась...

Мария Николаевна покорно замолчала.

– Найду ей лыжи завтра, – подытожил Егор Иванович и отвернулся к стенке, – у Петровичевой дочки вроде малышковые остались.

Глава пятая

Поздним зимним утром, когда наконец рассвело, старый охотник пошел к соседу в гости. Надел тулуп, валенки, положил в сумку беличью шкурку и вышел из дома. Его ногам было непривычно ступать в валенках по утоптанной дороге. Казалось, что с каждым шагом он стучается ступнями о камни. Ноги за много лет привыкли шагать по нетронутому снегу на широких охотничьих лыжах, подбитых снизу лосиным камусом – шкурой с ног животных, от копыта до колена. Шерсть там жесткая, и по шерсти лыжи катят, против – не отдают, если лезешь на гору.

Вслед ему смотрели две пары глаз. Марии Николаевны, слегка испуганные, как всегда, и Наташины, блестящие, голубые, цвета яркого чистого зимнего неба. Когда широкая фигура старика скрылась за поворотом улицы, Мария Николаевна занялась домашними делами. А Наташа так и смотрела не отрываясь в одну точку. Она слышала ночной разговор супругов и с нетерпением ждала возвращения Егора Николаевича.

Охотник вернулся через час. В руках он нес потертые, но крепкие детские беговые лыжи. Наташино сердце забилось часто-часто; вспомнились первые лыжи, которые сам сделал ей отец из своих охотничьих. Не настоящие, конечно, но она, еще трехлетняя, гордо вышагивала в них по двору перед домом. Ходила за отцом, как утенок, пытаюсь подражать движениям. А в лунку заледеневшего окна за ними наблюдала мама, смеясь и вытирая руки о накинутое на плечо полотенце.

Пошуршав в сенях и прошаркав тапками по дому, Егор Иванович отодвинул занавеску и заглянул в Наташину комнатушку. «Глаза-то и впрямь горят», – отметил он про себя.

– Пойдем-ка, Наталья, в сарай.

– Зачем? – спросила девочка, старательно делая вид, что ничего еще не знает.

– Затем, – отрезал охотник и вышел.

Наташа одевалась в жуткой спешке и волнении, долго не попадая ногами в теплые колготки и пытаюсь победить пуговицы кофты негнушимися пальцами. В темных сенях бесконечно искала ногой свои валенки, хотя всегда попадала в них не глядя. Наконец, накинув тулупчик, толкнув всем телом дверь, в сбившейся набок шапке вылетела под ослепительное солнце, перебежала двор и, пытаюсь успокоиться, шагнула в полумрак сарая.

Егор Иванович что-то делал, склонившись над столом, сделанным из деревянных ящиков и досок. Над ним висела на проводе тусклая голая лампочка. Таких столов было еще несколько, на них охотник выделывал шкурки. Вдоль стен стояли сбитые из досок полки, забитые банками с солью и уксусом, пакетами с хозяйственным мылом, тюбиками лыжной мази, тазами и прочим завораживавшим Наташу хозяйственным барахлом. Она снова как будто оказалась дома, почти такой же сарай был у ее отца-охотника. Правда, Наташа не знала, какой чести удостоилась. В этот сарай никому нельзя было заходить без приглашения. Покорная Мария Николаевна не была в нем никогда.

Подойдя к столу, девочка увидела заветные лыжи. Первые настоящие. Почти как у отца, только маленькие и узенькие. Пусть не широкие охотничьи, подбитые мехом, чтобы не проваливаться в снег, ну и что? Егор Иванович как раз колдовал над ними с самодельной лыжной мазью. До боли знакомая смесь запахов – дегтя, зверя и мыла – стояла в воздухе. Наташа жадно вдыхала ее, как будто пытаюсь сохранить в памяти про запас.

– Поди сюда, Наталья, – сказал старый охотник, не поднимая головы.

– Лыжи? – от волнения шепотом спросила девочка.

– Лыжи! Ногу давай. Да не так. Прямо в валенке. Крепеж подгоним.

Наташа послушно пыталась засунуть негнущуюся от волнения ногу в полужесткое брезентовое крепление.

- Не возись!
- Прости, дядя Егор.
- Бог простит. Вторую давай.

Наташа светилась от счастья. Лыжи казались ей крыльями, на которых она полетит, стоит коснуться снега.

- Так, снимай! Подгоню до завтра, и начнешь учиться.
- Я умею.
- Знаю я, как ты умеешь. Иди теперь.

Девочка послушно вышла.

- Хм, и впрямь светится, – еще раз усмехнулся себе под нос Тобуроков.

Следующим утром Наташа проснулась рано и, когда Егор Иванович еще затемно постучался в ее комнатку, уже сидела одетая на кровати.

- Завтракать и в лес, – скомандовал старик.

Мария Николаевна накрыла на стол.

- А в школу как же, Егор? – начала было она.
- Лес – ее школа, – ответил охотник.

Наташа посмотрела на него с восхищением и благодарностью. Егор Иванович заметил это, но вида не подал. Не приучен он был суровой жизнью показывать эмоции.

Вышли ранним утром. Охотник решил сделать первый тренировочный выход в лес совсем небольшим – пару километров. Он тоже нашел в сарае свои беговые лыжи, чтобы пройтись с девочкой по лыжне, проложенной малышкой вдоль проселочной дороги.

Ожидания Наташи, что лыжи превратятся в крылья, конечно, не оправдались. Она неуклюже ковыляла за Тобуроковым по лыжне, ноги не слушались, заплетались, глаза слезились от колючего снега. Несколько раз она упала, снег набился за воротник и в рукава. Но отцовские охотничьи гены не разрешали жаловаться, и девочка упорно преодолевала шаг за шагом, вставала, расплетая запутавшиеся ноги, опираясь на деревянные палки. Егор Иванович не знал, как надо учить детей ходить на лыжах, но чутье подсказывало ему, что в девочке есть стержень. И сейчас он удовлетворенно отметил про себя ее упорство.

– Передохнем, Наталья! – скомандовал он и обернулся. Ученица укатилась в овраг, одна лыжа слетела и продолжала ехать куда-то вдаль. Тобуроков почесал затылок под шапкой. С одной стороны, надо спуститься и выручать. С другой стороны, так характер не воспитаешь.

– Ничего-ничего, – сказал он, закуривая, – лыжи – вещь такая. Поначалу они все падают. Вылезай потихоньку, – и протянул лыжную палку.

С перекошенным лицом, крепко сжав зубы, Наташа потопала по снегу, проваливаясь по колено, за лыжей. Потом выбралась и снова стала засовывать валенок в крепление.

– Не, на сегодня хватит, – постановил Тобуроков. – Разворачивай лыжи, едем домой. И вот что: ты смотри, что надо делать, чтоб не падать.

Он подошел к девочке.

– Ты болтаешься, как лист на ветру, оттого и падаешь. Центр тяжести опусти, тогда и не упадешь, – он показал: присел, как в танце маленьких утят. – Вот так и ходи поначалу, потом привыкнешь.

Когда они добрались до дома, Тобуроков сходил к школьному военруку и выменял у него на две полуторалитровых бутылки самогона списанную из школьного тира компрессионную пневматическую винтовку. Он повозился с ней в мастерской, потому что любое оружие привык «доводить». После пары часов ювелирной работы из раздолбанной «воздушки» получилось что-то вроде обреза с укороченным стволом, перехваченного брезентовым ремешком.

– Как раз под детскую ручку, – радостно побряхтывал он, – мелкашку рано, винтарь и давно, отдачей ушибется. А это самое то.

После этого старик сходил на кухню и вытащил из деревянного короба несколько картофелин разного размера и установил во дворе на заборчик, окружавший баню. Наташа уже ждала на исходной позиции, жадно глядя на свою винтовку.

– Так, – улыбнулся Тобуроков. – Сейчас несколько правил. Это самое, правила красные, потому что написаны они кровью. Винтовку никогда, никогда, никогда не направляй на человека, если только не хочешь его убить. Винтовку никогда не направляй на себя. В винтовке живет смерть, даже если она такая вот – воздушка. Только на землю.

Он взял винтовку, лихо крутанул ее на пальце и продолжил:

– Это винтовка пневматическая, она работает так. Вот так взводишь. Тяжеловато, но потом привыкнешь. Рычаг двигает поршень, поршень сжимает воздух. Когда нажимаешь на спусковой крючок – открывается выпускной клапан и толкает пулю.

Он перевернул оружие и продолжил:

– Так, идем дальше. Ну тут все просто. Это рукоятка, это спусковой крючок... и, кстати, боже упаси его назвать «курком», курок – это «собачка» такая, я ее на огнестреле покажу. Это – спусковая скоба, она палец защищает, это предохранитель, ну, чтобы случайно не выстрелить. Это ствол, это цевье... Запоминаешь?

– Да! – ответила Наташа, жадно глядя на винтовку в грубых пальцах Егора Ивановича.

– Ствол, да... А вот это самое важное: прицел. Он состоит из мушки – вот этой штучки на конце ствола и целика. Устанавливаем мушку прямо по центру целика, плавно нажимаем на спуск...

Раздался громкий хлопок, и самая маленькая картофелина слетела с заборчика.

– Да, еще момент. Позиции стрельбы. Их... Ну, они бывают такие: стоя, сидя, с колена и лежа. Начнем с самой легкой: лежа. Остальные – потом разучим, но эта позиция для охотника очень важная, почему? Потому что его не видно.

Он положил на снег полипропиленовый коврик.

– Так. Ложись. Ноги надо расставить, да. Локоть упираешь...

Наташа быстро легла на коврик и жадно прикинула к прикладу. Она представляла себя юниором на биатлонной трассе. Наконец-то! Сейчас она выбьет все мишени! Наташа навела ствол на забор, разместила мушку во впадине целика, так, чтобы она оказалась точно по центру картошки.

– Есть? Поймала в прицел? И первой фалангой пальца медленно давишь на спуск... Вдох, удержи дыхание, чтобы ствол не качался... И медленно дави... Ну!

Девочка медленно стала давить пальцем на спуск и непроизвольно зажмурилась. Ничего не происходило, крючок не двигался с места. Тобуроков раздосадованно плюнул в снег. Наташа непонимающе хлопала глазами.

– С предохранителя сними! – сказал Тобуроков. – Я ж сто раз повторил!

– А... – пальцы Наташи стали шарить по винтовке.

– Наталья! Где предохранитель? Я тебе сейчас только показал!

Наташа опустила глаза. Егор Иванович подошел к ней, взял винтовку.

– Пре-до-хра-ни-тель, – отчеканил он, показывая пальцем на небольшую скобку за спусковым крючком, – так нажимаешь, «щелк» на нее и стреляешь. Понятно?

– Понятно.

– Бери и на рубеж.

Наташа снова прицелилась. Она боялась опять зажмуриться и, изо всех сил таращась на картофелину, стала давить на спуск, но выстрела не было. Корнеплод остался на месте.

– Жми на спуск! – закричал Тобуроков.

– Я жму! – обиженно сказала Наташа.

– Ничего ты не жмешь, сильно жми!

– Я сильно жму, – повторила девочка тихо и разочарованно.

– Тьфу ты! – снова плюнул Тобуроков и плюхнулся рядом на снег.

Положил свой огромный палец на маленький Наташин и плавно нажал. Винтовка хлопнула, Наташа вскрикнула от боли и громкого звука. Еще одна картофелина слетела с заборчика.

– Теперь сама! – скомандовал старик, поднимаясь.

Наташа сжала губы и снова прицелилась. Но стрелять уже расхотелось. Дурацкая винтовка не слушалась маленьких замерзших пальцев, а под суровым взглядом Тобурокова руки и вовсе задрожали. Наташа сопела и никак не могла совладать со спусковым крючком.

Тобуроков понял, что, пожалуй, перегнул палку. Она же ребенок, к тому же худая вон какая. Откуда силам взяться. Он присел рядом с Наташей.

– Ну-ну, ничего, все когда-то учились. Сначала пальцы натренируешь, потом меткость. Я эспандер тебе принесу, у физрука Женьки возьму, колечко резиновое такое, будешь жать, силу пальцев тренировать...

Девочка сопела.

– А ты думала? Быстро только лавина сходит. Вставай, пойдем чай пить.

Наташа не вставала.

– Я нажму, – упрямо сказала она.

– Хватит, пальцы отморозишь.

– Не отморожу.

– Не спорь! Главное для охотника – выдержка! Учись держать себя в руках. Учись проигрывать. Учись учиться, в конце концов! – разразился вдруг необычной для себя пламенной речью Тобуроков и сразу замолчал.

Наташа встала и протянула винтовку охотнику.

– Э, нет, Наталья. Это теперь твое оружие, и тебе за ним ухаживать. Иди в сарай и положи в оружейный шкаф. Там как раз место для нее имеется. Ключ знаешь где.

Это было настоящее признание! Наташа вытащила из-за старого зеркала огромный ключ от самодельного, вручную сваренного сейфа, с замиранием сердца вставила его в замочную скважину, с усилием повернула и открыла тяжелую дверцу. Перед ней в глубине стояли винтовки Тобурокова, и сбоку, рядом со стенкой, пустовала одна ложка. Задержав дыхание, девочка осторожно вставила туда свое оружие. Пришлось в пору, винтовка словно бы всегда там и лежала.

Наташа закрыла дверь на ключ и снова положила его под зеркало, не заметив, как с улыбкой смотрел на нее из-за приоткрытой двери Тобуроков.

Глава шестая

Второй поход на лыжах дался Наташе легче. Свежий воздух обжигал грудь, мороз пощипывал лицо, но от солнца было жарковато.

Егор Иванович начал обучение, едва выйдя за калитку и встав на лыжню.

– Видишь, как я иду? Правая нога – левая рука. Левая рука – правая нога. Отталкивайся палками! Не торопись! – командовал он. – Оп-оп-оп! И не шагай, не шагай, катись! Это же лыжи! Тьфу ты, – ругнулся он, видя, как девочка опять упала. – Вставай! Лыжи не скрещивай! Параллельно их держи! Да на лыжню смотри!

Наташе вдруг показалось, что это отец учит ее. В памяти всплывали забытые картинки из детства, и глаза застилала слезы. Вот папа слегка приседает, скатываясь с небольшого сугроба с ружьем за спиной. Вот он летит по снежной пустыне, едва касаясь ее слепящей на солнце глади. Вот спускается «лесенкой» с пригорка, а потом «елочкой» поднимается на следующий... Все, что объяснял Егор Иванович, девочке представлялось как кадры кинофильма с отцом в главной роли.

– Белка! – вырвал Наташу из «кинозала» глухой выкрик старика. Она посмотрела по направлению его взгляда.

Живой пушистый комочек ловко перепрыгивал по веткам сосны сверху вниз, то и дело замирая, поворачивая голову и пристально глядя на людей бусинками глаз. Тобуроков вынул из кармана несколько кедровых орешков и протянул их девочке. Она подманила белку.

Зверек прыгнул Наташе на плечо и лапками с острыми коготками – прямо как человек – взял с ее руки орешек.

– Это приманка! – сказал старик, глядя вслед ускакавшей белке.

Девочка уже увереннее ехала по лыжне за Егором Ивановичем и думала о том, как хорошо быть беззаботной, не ходить в школу, а прыгать по деревьям в свое удовольствие целыми днями.

«Левая нога – правая рука», – звучали в ее уме наставления приемного отца.

На другой день Егор Иванович снова вывел девочку на тренировку. Небо было затянуто облачной ватой, из которой летели хлопья снега. Они прилипали к одежде, лицу и лыжам, отчего передвигаться становилось все труднее. Лыжня была запорошена снегом, и идти стало тяжело.

– Наталья! – подзадоривал замешкавшуюся девочку Егор Иванович. – А ну-ка, иди тропить лыжню! Шагай во-о-он к той высокой ели. Ноги поднимай, как будто без лыж идешь. Тряхни лыжиной, чтобы с нее снег слетел. Теперь – второй.

Девочка неумело начала пробивать путь к поставленной цели.

– Теперь сделай шаг в сторону и пропусти меня, дай лыжню, – распорядился охотник. – Вот как тропить надо: левой – правой, левой – правой... Сейчас будешь учиться делать поворот в глубоком снегу.

– Как это?

– А вот как. Лыжные палки складываешь одну с другой и работаешь ими, как веслом. Палки должны быть направлены к склону горы, вниз то есть. Поняла?

– Так правильно? – поставив палки справа от лыжни и сделав небольшой полукруг, спросила девочка.

– Правильно.

– А тормозить как? – почувствовала азарт юная лыжница.

– На крутом спуске, что ли?.. Берешь сложенные вдвое палки и ставишь их уже не сбоку от себя, чуть сзади. Тормозишь ими вот так. А лыжи наклоняешь на ребро.

– Палки – сзади, лыжи – на ребро, – повторила движения Наталья. – Дядь Егор, научи меня кататься, как спортсмены. По телевизору видела, они словно летают на лыжах.

– Хе! Тут не получится, надо на дорогу выйти. Трасса должна быть укатанной, ровной, без пригорков.

Они выбрались на проселочную дорогу, которую как раз недавно расчистил трактор.

– Эх, дай бог памяти, – отряхнул лыжи Тобуроков. – Отвык уж от беговых лыж-то... А в армии был чемпионом округа, хорошо бегал-то, да...

Он хитро улыбнулся, вспоминая свои давнишние победы.

– Коньковый ход... Тэк... сначала разогнаться надо. Наклоняешься вперед, немного приседаешь. Отталкиваешься сразу двумя палками. Первые несколько шагов лыжи идут параллельно, потом – разводишь их под углом. Правая лыжина двигается вправо. Потом левая – влево. Едешь «елочкой», или «коньком» это еще называют... набираешь скорость, а палками отталкиваешься одновременно, а не по очереди. Ну-ка попробую...

Старик вдруг быстро и ловко помчался по дороге, раскидывая ноги, потом лихо развернулся и доехал до Наташи, эффектно затормозив перед пригорком, подняв в воздух фонтан снега.

– Ну до этого тебе далеко... И вообще, коньковый ход – это от лукавого. Пять минут пройдет, дорогу занесет – и привет! Классикой учись ходить! И это... С горки надо научиться съезжать. У нас холмов много, да.

– А как?

– На спуске лыжи идут параллельно друг другу, колени согнуты. Корпус наклонен вперед, локти отведены назад, а палки держишь подмышками. Если скорость высокая и надо притормозить, немного сводишь носы лыж друг к другу.

Охотник присел и развел задние концы лыж так, чтобы они образовали треугольник.

– Но тут не особо круто, как раз для тебя... Съедь-ка вот с этого пригорка.

Воодушевленная девочка попыталась выполнить спуск, но сразу же упала. Одна лыжа воткнулась в снег, и Наталья стала смешно барахтаться, пытаясь вытащить ее. Она встала, лыжи покатались как попало, но на этот раз Наташа уже смогла удержать равновесие и торжествующе посмотрела на своего тренера.

Глава седьмая

К весне Наташа уже хорошо ходила на лыжах, не по-чемпионски, конечно, но достаточно для того, чтобы совершать большие, в несколько километров, переходы. Техника все равно хромала, но с каждым разом падений было все меньше и меньше.

И с винтовкой она подружилась, научилась разбирать, собирать и чистить. Никогда больше не забывала снимать с предохранителя и включать его после стрельбы. Ее пальцы побороли тугой спуск, а в банки и картофелины, лежащие на заборе, она била уже навскидку, не целясь, быстро и уверенно поднимая винтовку от бедра. Она даже научилась попадать по движущейся цели. Для этого они с Егором Ивановичем ходили вечерами на лесную опушку. Он подбрасывал картофелины вверх, а Наташа стреляла. И с каждым разом попадала все чаще.

Тобуроков гордился маленькой ученицей. Но ей об этом не говорил – воспитывал характер. Иногда только позволял себе «молодец, Наталья» и «хорошо». Но девочка чувствовала – это высшие похвалы. И тоже не показывала вида. «Главное для охотника – выдержка», – повторяла она часто про себя слова Тобурокова. Так старик и девочка сближались, становясь друзьями.

– Не бабское это дело – стрельба, – ворчала Мария Николаевна, выметая вечерами со двора ошметки картофелин. Но в глубине души она понимала, что для девочки так лучше.

Наташа изменилась за зиму к лучшему, стала живой и веселой. Даже заинтересовалась учебной и начала иногда отвечать у доски на уроках. У нее по-прежнему не было друзей в классе, но, узнав о ее успехах в стрельбе, мальчишки перестали дразнить и зауважали.

В апреле, когда в лесу полностью сошел снег, Егор Иванович решил, что пора учить девочку охоте. Для начала на белку. Дождавшись, когда Наташа придет из школы и Мария Николаевна накормит ее обедом, старик торжественно объявил о своем решении:

– Завтра, Наталья, в школу не пойдешь. Пойдем на белку охотиться.

– С пневматом?! – удивилась девочка.

– Нет, балда, возьми мою «тозовку», ну, мелкашку! С пневматикой муравьев будешь гонять!

Глаза Наташи загорелись. А мнительная Мария Николаевна покачала головой и тайком перекрестилась. Она никак не могла допустить мысли о том, что девочки могут охотнее ползать с винтовкой по оврагам, чем играть в куклы и учиться варить борщ.

– Так я же не стреляла еще из мелкокалиберной... – растерялась Наташа.

– Вот и постреляешь, – сказал Егор Иванович и встал, показывая, что обсуждение закончено.

– А... а можно я до завтра во дворе потренируюсь? – не унималась Наташа.

– Еще чего, соседей подстрелить! Все, сказал – завтра. Иди уроки делай.

Наташа все-таки пошла в сарай, думая, что делает это тайком от старика. Егор Иванович знал, что она туда пойдет, и делал вид, что ничего не замечает. С одной стороны, он до сих пор побаивался Наташу, не понимал до конца, что там еще кроется в этой маленькой упрямой девочке. Но чутье подсказывало, что она уже достаточно самостоятельна, несмотря на возраст. Да и как охотника воспитаешь, если ему воли не давать. «Ладно, авось не отстрелит себе ничего, пока будет тозовку изучать», – решил Егор Иванович и успокоился.

Наташа тем временем едва дыша открыла шкаф и стала рассматривать винтовки. Настоящие, с затвором и большим дульным отверстием. Ей было сладко и жутко. Она думала, что отец видит ее сейчас сверху и гордится. А она? Стоит перед винтовкой и дрожит, боясь подвести его память. Нет. Нельзя подвести отца, ни за что, ни за что. Она завтра пойдет и попадет в этих белок. Даже если ради этого придется получить синяк под глазом от отдачи.

Девочка решительно закрыла шкаф и пошла делать уроки. Егор Иванович, наблюдавший за ней из дома, прячась за занавеской, удовлетворенно кивнул. Не подводит нюх старого, бойцовая девка, будет из нее прекрасная охотница.

На следующий день еще до рассвета они собрались и выдвинулись в лес.

– Следи, чтоб сапоги не чавкали по лужам, зверье все перебудешь, – шепотом предупредил Егор Иванович.

– Темно же, ничего не видно, – удивилась Наташа.

– Чутье – глаза охотника. И нюх тренируй. Сухая земля иначе пахнет, чем мокрая.

Наташе было интересно с Егором Ивановичем. Он показывал ей любимый с детства лес в другом измерении.

– Давай остановимся, дядя Егор, – попросила девочка.

Она закрыла на минуту глаза и стала слушать лес. Вот хрустнула и упала веточка с елки. Вот сова встрепенулась во сне, где-то в кронах, уловив хруст своим тонким слухом. Вот уже даже слышно, как журчит вдали родник. Наташа даже не верила сама себе, ей казалось, что она придумывает все, что слышит. Не может же человек правда слышать, как кошка.

Потом она перестала слушать и стала втягивать носом влажный весенний воздух, еще холодный перед рассветом. Он слегка покалывал нос, и она никак не могла отделить запах хвои от запаха прелых прошлогодних листьев, все сливалось в один сплошной аромат под названием «лес».

– Ну, что, где зверь? – спросил старик.

– Не могу понять, – уклончиво ответила Наташа, не желая показывать свою неспособность различить запахи.

– Не дури, Наталья, сразу никто не умеет зверье унюхать. А вот правду сказать можно всегда. Надо признаваться, если не умеешь. Чего тут стыдного, потом научишься, было бы желание.

– Есть желание, – смущенно прошептала Наташа.

Так старый охотник учил ее, тренировал выдержку и закалку. Наташа почти всегда сначала закрывалась и сопротивлялась. Но потом понимала, что старик прав, и в глубине души благодарила его за все уроки.

Когда в лесу рассвело, Наташа и Егор Иванович уже лежали в засаде (Тобуроков называл ее «засидки») за поваленным деревом и ждали, когда белки спустятся за разложенной приманкой. Вскоре появилась одна. Ее шкурка местами еще была по-зимнему серой. Совершая мелкие резкие движения, она спустилась со ствола на влажную апрельскую землю.

Наташа втянула ноздрями воздух и, кажется, начала понимать, о чем говорил ей Тобуроков. Сейчас, лежа на земле, она ощутила все ее влажные запахи. Прошлогодние листья, мох, гниль опавших сучьев, пролежавших всю зиму под снегом. Потом она закрыла глаза и стала слушать шорох беличьих лапок. Она пыталась увидеть ее внутренним зрением, представляла себе. Вот маленькие коготки скребут по коре дуба, спускаясь вниз, вот затишье – белка делает прыжок. Вот приглушенный шорох – она приземлилась на прелые листья. Вот опять тишина. Наташа очень явственно представила, как маленькие черные глазки-бусины осматриваются в поиске приманки. Вот шорох легких маленьких шажков. Лапки прокладывают себе путь к орешку...

Наташа очнулась от того, что ее толкал в бок Егор Иванович. Он просто молча смотрел, но в этом взгляде читалось крайнее возмущение. Старик решил, что девочка заснула, лежа в засаде, как это часто бывает с новичками, не привыкшими просыпаться на зорьке.

Наташа поняла, что замечталась, и подняла винтовку. Снова накатил страх перед настоящим оружием. И ей вдруг стало так обидно за себя. Почему она должна стрелять в эту настоящую белку этими настоящими патронами? Сейчас, через оптический прицел, она видела зверька во всех подробностях. Рыжие и серые волоски шкурки, блестящие глазки,

пушистый хвост размером с саму белку. Та обхватила орех своими тоненькими пальчиками. Вертела в лапках, обнюхивала, безуспешно пыталась засунуть за щеку. И, наконец, решила закопать рядом со своим деревом.

«Ну как в нее стрелять?» – думала Наташа, когда получила новый толчок в бок.

Егор Иванович всем своим видом спрашивал: «Чего ждем?!» Наташа снова прицелилась. Белка, ни о чем не подозревая, закапывала орех. «Вот я бы так закапывала орешек на черный день, а меня тут – хлоп – и все», – подумала девочка и опустила винтовку, случайно ударив стволом по бревну. От гулкого стука, разорвавшего лесную тишину, испуганная белка метнулась вверх по стволу, распушив хвост, перепрыгнула на другую сосну и скоро потерялась из виду. Тобуроков поднялся с земли, вздохнул и сел на поваленное дерево.

– Ты бы ей еще имя придумала, Наталья, – пробурчал он.

– Какое имя? – не поняла девочка.

– Ну, не знаю, Пушок или там – Рыжик.

– Ты про белку, дядя Егор?

– Про стрелку! Не надо из меня дурака-то делать! Видел я, как ты ее рассматривала, в глазки-бусинки ей заглядывала, волосинки на хвосте пересчитывала!

– Откуда ты знаешь? – тихо спросила Наташа, опустив голову.

– От верблюда, – старик отвернулся.

– Я не могу, – зашмыгала носом девочка.

– Почему? – строго и как бы не понимая спросил Тобуроков.

– Она же живая! У нее вон дела свои – запасы делает. На завтра. А я ее – хлоп – и никакого завтра! – глаза Наташи наполнились слезами.

– Эдак, Наталья, мы и до муравьев договоримся. Сейчас он тащит листик в муравейник, и у него на завтра планы, а тут ты со своим сапогом.

– И муравья жалко! И он живой! – девочка не сдержалась и заплакала навзрыд.

– Посиди здесь, я до ветру схожу, – Тобуроков помнил по своим молодым годам, что успокаивать женскую истерику – дело неблагодарное, и предпочел ретироваться.

Наташа же села на поваленный ствол и стала наблюдать за белкой, вернувшейся за своим орехом. Теперь она откопала припас и понесла к себе в дупло. Белка ловко прыгала по стволу большого дуба, потом с ветки на ветку и уже почти добралась до своего дома, как сверху на нее налетела огромная тень. Наташа вскрикнула и вскочила от неожиданности. Тень оказалась большой совой. Ловко перехватив белку поперек туловища, она поднялась вместе с добычей в воздух и отправилась обедать.

Когда Тобуроков вернулся, Наташа уже не плакала. Она просто сидела и смотрела на дупло в стволе дуба, как когда-то на серый забор в детском доме. Пустым, тусклым, остановившимся взглядом.

– Пойдем домой, Наталья, – сказал старик ласково.

После случая с белкой Наташа какое-то время не могла стрелять даже по картофелинам. Под любыми предложениями избегала ходить на охоту с Егором Ивановичем и обходила стороной сарай с оружейным шкафом. Старик тоже загрустил и задумался.

Глава восьмая

Как-то в конце мая, под конец учебного года, Наташа вышла из школы. Был яркий теплый день, и ей захотелось пойти домой по длинной дороге через поле и реку. Вдоль берега реки шли холмы. От этого вся прибрежная территория была очень высокой и казалось, что идешь совсем-совсем под облаками. Трава стала уже высокой. Девочка шла по звенящему пчелами и шмелями лугу, вдоль реки, блестящей внизу ослепительной лентой.

Впереди виднелись две березы, совершенно одинаковые, росшие как будто от одного корня. Дойдя до неразлучников, Наташа скинула туфли и села на рюкзак с учебниками, приклонившись спиной к стволу. Она смотрела на реку, домики на другом берегу, поля, загибающиеся за горизонт. Рассматривала облака, первые летние цветы, слушала смех, доносившийся с речки, и думала: «Кто-то же просто гуляет тут с родителями в выходной день. Без винтовки. Расстилает покрывало на траве, жарит шашлыки, играет в бадминтон, а потом вечером сворачивает покрывало обратно и просто идет домой. Дома смотрит с родителями телевизор. Мама вяжет, папа что-то пишет за столом или чертит. А этот кто-то играет с кошкой. А в понедельник папа идет на работу, кто-то в школу, а мама убирается дома и кормит кошку. Кто-то же так и живет. Просто и понятно и не должен никому объяснять, почему не хочет стрелять в белок. Почему я не могу? Может, я тоже хочу платья, прически, помаду. А после школы гулять здесь за руку с симпатичным парнем. С Васькой из райцентра...»

Наташины мечты прервал оглушительный звук выстрела. Звук, знакомый с самого детства. В момент перед глазами пронеслись редкие воспоминания: отец, целящийся из ружья в волков, подошедших как-то зимой слишком близко к их поселку, лес, свобода. И все фантазии улетучились. Маленькая охотница сразу вспомнила, кто она и почему лучше гулять с винтовкой, чем с родителями или парнем. Впрочем, с винтовкой и парнем было бы вообще самое оно.

Она, как загипнотизированная, поднялась и пошла на звук. Кажется, стреляли на опушке. Охотники? Вряд ли, какой зверь сюда придет, кругом люди. Наташа поймала себя на том, что голова ее заработала четко, по-охотничьи. И улыбнулась. «Мальчишки, наверное, из огнестрельного палат», – гордо подумала она, причисляя себя к знатокам.

Девочка уже подходила к опушке леса, как увидела того самого Ваську. Сына майора. Жил он с родителями в большом каменном доме в райцентре. У его отца одного из немногих в городе была машина. Большая черная «Волга». Наташа никогда еще не ездила на машине, если не считать раздолбанного милицейского «уазика», на котором ее, найденную в лесу, отвезли в больницу на карантин. Сюда Васька приезжал на лето к бабушке. В этом году в его городской школе учебный год, видимо, закончился раньше, раз он уже здесь. Или родители отпросили. Он же особенный.

Мальчик казался ей существом из другого мира. Высокий, симпатичный, всегда с друзьями. Полная противоположность ей. Маленькая, худая, замкнутая девочка, у которой нет друзей. Взрослея, Наташа иногда замечала, что ее посещают странные мечты о Ваське. Как он мог бы забрать ее из избушки в город, как она стала бы жить с ним в большом светлом доме. Его отец, боевой майор в красивой форме с медалями, отвез бы ее в магазин на своей «Волге», купил бы красивые платья и сказал: «Зови меня папой». По утрам они бы завтракали на веранде с большими окнами. Легкий утренний ветер колыхал бы легкие шторы, и солнечные зайчики играли бы на Васькиных пшеничных волосах... «Но откуда у меня вообще такие мысли?» – потом думала она.

В одной маленькой Наташе жили целых две девочки. Одна – неразговорчивая охотница, «лесной волчонок», как прозвали ее в деревне. Вторая – обычная девочка, добрая, ласковая и незамысловатая, которая могла иногда подумать о мальчиках и платьях. Но если

первую знали многие, то второй не знал никто, даже сама Наташа смеялась над ней и отмахивалась от этого внутреннего голоса.

Васька, как всегда, был с друзьями. Он держал обеими руками боевой пистолет в стойке героя американских боевиков, широко расставив ноги и зажмурив глаз. Остальные мальчишки зажали уши. Стрелять толком никто из них не умел, но всем было весело. Наташа снисходительно улыбнулась про себя этой пальбе по пластиковой бутылке, упорно нежелающей падать с пня, и решила сделать вид, что шла мимо. Но парни заметили ее и начали дразнить.

– Эй! Дикая! Заблудилась? – ржал как конь здоровый и глуповатый Петя.

– Как она заблудится? Она ж волчонок! Маугли!

– Волчонок, а ты говорить умеешь? Порычи хоть! Prrrrr-p-p! – и снова взрыв хохота.

Наташа привыкла ко всему этому за годы в школе и уже не ждала другого отношения. Но вдруг Васька вышел вперед, держа в руке пистолет стволом вниз, и жестом попросил друзей умолкнуть.

– Ната-аш! – крикнул он.

Наташа очень удивилась, что Васька вообще знает ее имя. Остановилась и уставилась на него. Без эмоций, просто стояла и смотрела. Ее глаза в этот момент стали холодными и серыми. Парень даже поежился.

– Чего? – спросила наконец Наташа.

– А это... Научи стрелять как снайпер, – крикнул Васька. – Я видел, как ты шмаляешь навскидку. И влет по картошке, когда дядька Егор подбрасывает.

– Папу попроси! – крикнула в ответ Наташа и пошла дальше, уверенная, что это просто очередное издевательство.

Она услышала топот за спиной. Внутренний голос и гордость подсказывали, что обращаться нельзя. В итоге Васька обогнал ее и встал спереди, закрыв дорогу.

– Ну, правда... – начал он, пытаясь отдышаться, – ты же охотник, ты же внучка дядьки Тобурокова, а он лучший...

– Опекун, – сухо уточнила Наташа, – твой папа тоже стреляет, он же майор.

– Он занят.

– Я, может, тоже занята.

– Ну, тогда извини, – Васька собрался уходить.

– Стой, ладно, если ты правда хочешь стрелять, жди завтра после уроков у двойной березы. С пистолетом и банками.

– Замазали! – заулыбался Васька и протянул ей руку.

«А после школы гулять за руку...» – мелькнул у Наташи в голове внутренний голос второй девочки. В ответ на это она только передернула плечами и ушла, не пожав протянутой руки. Васька пожал плечами, покрутил ей вслед пальцем у виска и пошел обратно к друзьям.

Вернувшись домой, Наташа сразу пошла в сарай. Достала из сейфа свою винтовку, деловито вынесла во двор ведро картошки и стала тренироваться. Мария Николаевна звала ее обедать, потом ужинать, но Наташа отказывалась и только стреляла, перезаряжала винтовку и снова стреляла. Стрелковая честь и гордость были у нее в крови. Охотничьи гены отца и воспитание Тобурокова делали свое дело.

– Весь день стреляла, – шепотом рассказывала ночью Мария Николаевна мужу, думая, что Наташа уже спит.

Егор Иванович только молча улыбнулся в темноте и повернулся на другой бок.

Утром после завтрака Наташа вместо того, чтобы идти в школу, отправилась в сарай, где Тобуроков возился с принесенными вчера с охоты шкурами. В нос ударил острый звериный запах. Девочка непроизвольно поморщилась.

– Ты почему не в школе, Наталья? – спросил старик, думая, что она опять хочет упражняться в стрельбе.

– Я хотела поговорить, дядя Егор.

– Что ж, поговорим. Пойдем во двор, – сказал Тобуроков, откладывая шкурки. – Полей мне из ковша, – попросил он, намылив руки хозяйственным мылом. – Спасибо. Пойдем сядем.

Они сели на скамейку у забора. Наташа молча собирала пылинки с платья, не зная, с чего начать. Егор Иванович насторожился, понял, что разговор будет непростой.

– Что стало с моими родителями, дядя Егор?

– В смысле?

– Где они сейчас?

– На небе.

– Я не об этом! Их же похоронили где-то?

– Где-то, конечно, похоронили, – вздохнул старик. – Если осталось чего. Там же... Ну сгорело все.

– Я хочу туда съездить.

Тобуроков задумался, выполнима ли Наташина просьба. В райцентре, в милиции-то, наверняка знают, где похоронили.

– Дядя Егор?

– Что ж, Наталья. Съездим. Узнаю куда, – ответил он, подумав.

– Спасибо, дядя Егор.

И после разговора в школу Наташа не пошла. Поскольку ей предстоял урок стрельбы с Васькой, она хотела поразить парня меткостью и умением обращаться с оружием. К тому же девочка решила, что на этом уроке будет стрелять из своей винтовки. Не идти же с ней в школу. Один день пропустит, никто и не удивится, а то и вообще не заметит. «Иногда даже выгодно быть диким волчонком», – улыбнулась про себя Наташа. Взрослея, она училась находить опору и плюсы в своей необычности.

Неуверенность и страхи после случая с белкой прошли. Все встало на свои места в ее голове. Пожалуй, эта история даже помогла ей понять, насколько она любит оружие и все, что с ним связано. С приятным волнением, как и раньше, она открыла оружейный шкаф. Достала свою винтовку, разобрала ее на столе в сарае, почистила, смазала, собрала и вышла во двор. Мария Николаевна, заметившая ее в окно кухни, покачала головой и перекрестилась.

Наташа прикрепилла новую мишень на заборчике, подстелила клеенку, легла и с удовольствием выбила сто из ста. На одном дыхании. Настроение было прекрасное. Голова работала четко, как никогда. Повторила упражнение еще раз, уже просто для удовольствия. Потом взяла винтовку и пошла к реке.

– Не подстрелила бы она кого, – все волновалась Мария Николаевна, подавая Тобурокову обед.

– Не подстрелит, – довольно отвечал старик, беря ложку.

– Егор, не может девочка всю жизнь в лесу с ружьем провести, как ты. Ей о семье будущей надо думать, о детях. Готовить учиться, дом держать.

– Дай хлеба, Марья, – строго сказал Тобуроков, показывая, что не собирается это обсуждать.

Мария Николаевна покорно замолчала и стала резать хлеб.

– Поеду в райцентр, – сказал Егор Иванович, закончив с обедом.

– Зачем? – спросила Мария Николаевна.

– Надо. До вечера, Марья.

– До вечера, Егор.

Наташа снова гуляла вдоль реки. На плече ощущалась приятная тяжесть висящей винтовки. Вспоминая историю с совой и белкой, она рассуждала про себя: «Что поделаешь, естественный отбор. Даже если я не застрелю белку на охоте, ее съест сова. Или застрелит кто-нибудь другой. А охотник – это такая же работа. У каждого своя. Я не буду стрелять в белок просто так. Только для работы». Так она себя немного успокоила и решила попросить Егора Ивановича взять ее в следующий раз с собой в лес.

Она дошла до двойной березы. Осмотрела место, определила положение солнца и прикинула, где оно будет после обеда. «Значит, лечь надо будет здесь, чтобы не слепило, а картошки поставим вон там», – деловито рассуждала девочка про себя. Разобравшись с планом занятия и почувствовав от этого свое превосходство, Наташа довольная легла в траву и стала просто смотреть в небо сквозь березовые листья. Они трепетали на ветру, за ними плыли облака, по лицу скользил мягкий теплый ветерок, а в траве трещали кузнечики.

– Тобурокова! Спишь?! – над ней нависало смеющееся Васькино лицо.

– Нет, да... – спросонья Наташа не могла сообразить, что и где. – Задремала! – строго отрезала она, вспомнив про урок.

Васька осмотрел место, Наташину винтовку, прислоненную к березе, и спросил:

– На дуэль пришла?

– Чего? – Наташа еще не сталкивалась с иронией, а потому не поняла.

– Винтовку, говорю, захватила? Снайперскую дуэль устроим?

– Так ты же стрелять не умеешь.

– Так ты ж меня научишь.

– Посмотрим, есть ли у тебя способности.

– Не гони, Тобурокова, учи, – обиделся Васька.

– Садись, учи. Во-первых, оружие – это друг. Его надо любить, ухаживать за ним и бережно хранить. Во-вторых, ты умеешь разбирать и чистить свой пистолет? – Наташа пересказывала своими словами то, что узнала от Егора Ивановича.

– Он не мой.

– А чей?

– У отца стащил. Из сейфа.

– Стащил?

– Он мне не разрешает брать.

– Почему?

– Откуда я знаю. Говорит – не положено. Вырасти сначала. У нас все в форме приказа.

А приказы не обсуждаются.

– Ну, майор... – понимающе кивнула Наташа.

– Да, – вздохнул Васька.

– Короче, если ты хочешь научиться стрелять, поговори с отцом. А если тебе это просто поржать, то незачем и начинать, – строго продолжила урок Наташа.

– Тобурокова, какая тебе разница, зачем мне?! – взорвался Васька. – Включила тут училку. Оружие – друг. Поговори с отцом. Мой отец, сам разберись!

– Ну так иди и сам разбирайся! – Наташа закинула винтовку на плечо и пошла к реке.

– Ты реально дикая, Тобурокова! – крикнул ей вслед Васька.

Наташа, не оборачиваясь и не отвечая, шла к реке. Дойдя до крутого берега, легла, прицелилась и разрядила винтовку в кувшинки на воде.

– Ну и дикая, – пробурчала она себе под нос, вставая, – на себя посмотри.

Глава девятая

Вернувшись домой, Наташа узнала, что Егор Иванович уехал в райцентр. Она вспомнила об утреннем разговоре и стала с нетерпением ждать его возвращения. Сегодня у нее вообще был очень насыщенный событиями и эмоциями день. Не в состоянии чем-то себя занять, Наташа просто нарезала круги по двору и обдумывала все, что успело произойти с утра. Она поняла, что ей нравится лес, охота, стрельба, поняла, что хочет увидеть могилу родителей. Поговорить с ними. Рассказать им о своей жизни и понять, что делать дальше. Она же не может прожить всю жизнь в этом домике с Тобуроковыми. Когда-то придется взрослеть. За свою недолгую жизнь Наташа поняла, что рассчитывать может только на себя. И еще, поссорившись сегодня с Васькой, ей стало ясно, что ее раздражают люди. Что они в большинстве своем сами не знают, чего хотят, не понимают, зачем живут, не думают, что будут делать завтра, и вообще, кажется, ни о чем не думают. И она такой быть не должна. Пусть она другая. дикая, какая угодно – зато настоящая!

Наконец, за заборчиком показалась голова Тобурокова. Наташа бросилась к калитке, открыла. Егор Иванович молча зашел во двор и пошаркал к умывальнику: он даже в сапогах и ботинках ходил как на лыжах. Девочка молча пошла за ним.

– Полей мне, Наталья, – сказал Тобуроков, намыливая лицо. – Терпеть не могу этот город – шум, пыль да суета.

– Узнал, дядя Егор? – не выдержала Наташа.

Старик строго взглянул на девочку. «Главное для охотника – выдержка», – вспомнила Наташа его слова. Тобуроков не отличался красноречием, но учителем он был от Бога. Да и в Наташе имелся потенциал.

– Узнал.

– Поедем?

– Поедем.

– Спасибо, дядя Егор.

Это было безлюдное и безлюдное место на окраине райцентра, пустырь на отшибе кладбища, километрах в ста от Чаадаевки, где жили Тобуроковы. Поэтому заросшая пустошь с редкими крестами производила впечатление забытого Богом уголка в заброшенной тайге. День был такой же, грустный, потерянный – низкие клочковатые тучи неслись по небу, дождь задувал водяную пыль за воротник, в уши, нос, под манжеты.

Наташа, ежась, стояла перед ржавой табличкой на покосившейся палке. Имен и фамилий на ней не было. Но девочка знала, что это – братская могила всех жителей их бывшего поселения. В живых тогда осталась только она.

– Говорил я с милиционерами, – глухо сказал Тобуроков, положив Наташе руку на плечо, – в общем, незаконная у ваших была заимка охотничья. Ну сами отстроились, пять-шесть семей, такое у нас бывает... И наехали бандиты, ваши отстреливаться стали... А у бандитов автоматы, они всех перекрошили, а потом все сожгли. Ничего не осталось, ни документов, ничего. Так что ни фамилии твоей мы не знаем, ни отчества. Потому ты Тобурокова Наталья Егоровна. Так опекунство и оформили. Прости уж.

Он тихонько отошел, поняв, что девочке хочется побыть одной. Всматриваясь в табличку, Наташа про себя звала родителей: «Мам, пап, вы слышите? Вам, наверное, теперь все видно с неба? Мне иногда кажется, что вы рядом и улыбаетесь. Я очень стараюсь, но не знаю, что делать дальше. Разве можно всю жизнь провести в лесу? Быть охотником, как ты, пап? Я очень хочу продолжить твое дело. И построить свой домик в лесу, как был у нас. Но еще мне нравится биатлон. Лес ведь он всегда есть, я хочу попробовать сначала биатлон».

Потом внутренний Наташин голос умолк, и она стала ждать ответа от родителей. Девочка смотрела вдаль, на пустырь, на низкие облака и вдруг представила их – молодых, веселых. И мама как будто сказала смеясь: «Конечно, моя девочка, конечно, надо попробовать, если хочется. А наш лес всегда с нами, никуда не денется». И папа, сидящий рядом, кивнул.

Наташа улыбнулась, положила на землю под табличкой цветы, которые принесла с собой, и пошла к ждавшему ее поодаль Егору Ивановичу. Всю дорогу обратно девочка молчала, но улыбалась. Старик, волновавшийся о том, как пройдет эта поездка, успокоился и задремал в трясущемся на разбитой дороге автобусе.

Теперь у Наташи появилась цель. Она решила для себя, что хочет стать биатлонисткой. На виду у всей страны, а может и мира, она будет скользить на длинных тонких лыжах по раскатанному снегу, молниеносным четким движением снимать с плеча винтовку и выбивать мишень за мишенью. А потом стоять на пьедестале на высшей ступени с огромным букетом цветов, а Васька будет сидеть дома у телевизора и кусать локти.

Глава десятая

После случая у двойной березы Наташа и Васька не разговаривали. Если ей, гуляя, случалось наткнуться на мальчика, она делала вид, что его не видит. А Васька теперь не мешал своим друзьям ее дразнить. Хотя сам молчал.

К лету Наташа научилась стрелять по белкам из мелкокалиберной винтовки. В первый раз она, конечно, так волновалась, что упустила приклад, поставила себе под глазом синяк отдачей, и Егор Иванович с Марией Николаевной потом неделю дразнили ее пандой. Теперь в их маленькой семье установились теплые отношения, и даже суровый, молчаливый Егор Иванович стал больше общаться с женой.

Мария Николаевна все никак не могла успокоиться, что девочка растет пацанкой. Редкими вечерами, которые Егор Иванович проводил дома, а не на охоте, она пыталась поделиться с ним переживаниями:

– Я прошу тебя, Егор. Поговори с Наташей. Она тебя слушает. Скажи ей, что девочка должна учиться не только стрелять, но и борщ варить. И пироги печь. Ты ей скажешь, а я ее буду учить, пока ты на охоте. Плохо разве, если она и то и то будет уметь?

– Так-то оно так, Марья, – отвечал старик. – Ну а если как у нее способностей к этому нет? Чего тогда время тратить? Не всем хозяйственными быть.

– Так и проверим, Егор, – не унималась Мария Николаевна.

– Посмотрим, Марья, попробую спросить, – сказал Егор Иванович, поворачиваясь на другой бок и тем давая понять, что разговор окончен.

Наташа же, не подозревая о планах приемной матери, с удовольствием проводила все летние дни за стрельбой. Когда Тобуроков не брал ее с собой на охоту, она оттачивала мастерство стрельбы.

Наташа относилась к своим тренировкам ответственно. С вечера складывала рюкзак с приманками, клеенкой, едой, компасом, ножом, спичками, газетой для растопки, фляжкой с водой, запасными носками и аптечкой. Вставала на рассвете, одевалась, тихо доставала винтовку и шла к лесу через поле, устланное утренним туманом, рассматривая бледнеющие звезды и краснеющее на востоке небо.

Поднимая глаза в бесконечную синь, она видела улыбающиеся глаза отца. Она знала, что он рядом, все видит и доволен. Так девочке было совсем не страшно и хотелось учиться еще больше и лучше.

В эти дни ей нравилось завтракать не дома, а в поле, у самой опушки. Она делала маленький привал на границе обычного мира и своего собственного – лесного. Доставала бутерброды, термос с чаем и не спеша ела, предвкушая новое путешествие в волшебную чащу. Потом заходила в лес, как к себе. Здравовалась со старым сухим дубом, расколотым молнией. И шла дальше на северо-восток, по компасу, километров пять, не больше. Глубже Тобуроков не разрешал ей ходить одной, там уже могли быть медведи. По дороге Наташа запоминала деревья, кусты, камни и положение солнца, как учил ее старик, чтобы потом можно было легко найти путь назад.

Углубившись, она находила укромное место для засады, раскладывала приманку и ложилась, подстелив клеенку на сырую землю. Девочка тренировалась на белках, птиц не трогала, чтобы не стрелять живность зря. Из белок варили сибирский суп, кормили собак, и «выходные» шкурки Тобуроков относил в заготконтору. А вырученные деньги откладывал в отдельную шкатулку. «Наташино приданое» звал он про себя эту коробку. Правда, денег пока выходило немного. Наташа еще не умела бить зверьков в глаз, и шкурка чаще всего получалась с дефектом. Да и в принципе их мех не очень ценился. Но тем не менее это были первые самостоятельные заработки девочки, хоть она еще о них и не подозревала.

Глава одиннадцатая

К следующей весне Наташа стала прекрасной охотницей. Теперь она стреляла «повзрослому», поражая зверьков метким выстрелом в глаз не хуже старика Тобурокова. «Еще бы стрельбу по движущейся цели подтянуть», – размышлял Егор Иванович, наблюдая в походах за талантливой ученицей. Но это был уже перфекционизм, и сам Тобуроков хорошо понимал, что у девочки и так выдающиеся способности, и гордился ею.

Как и видел, что из маленькой худенькой угловатой девочки Наташи вырастает яркая девушка. Правда, с очень непростым характером. Уже с зимы старик пытался сложить в своей голове все эти факты. Тобуроков был привязан к маленькому волчонку, гордился ее успехами и понимал, что надо дать ребенку будущее. Несмотря на талант к охоте, нельзя позволить ей всю жизнь прожить в лесу. Тут она совсем одичает. Старика в отличие от самой Наташи беспокоило, что у нее нет друзей, что она очень трудно сходится с людьми. Он знал по себе, каково это – жить в одиночестве.

Но одно дело – он. Он мужик. И он сам сделал этот выбор. А до этого все попробовал. В армии отслужил, женился. Потерял, в общем, среди людей. А у девочки выбора пока нет. Нашли в лесу и растят в лесу. Надо дать ей выбор, а там уж пусть сама решает.

Прошла весна, наступило лето, за ним осень и снова пришла зима. Уже который год Наташа прилипала к телевизору, не пропуская ни одного соревнования по биатлону. Егору Ивановичу и Марии Николаевне давно стало понятно, что девочка увлечена этим видом спорта не на шутку. Но старик запретил жене обсуждать это с Наташей, пока сама не заговорит. «Решение должно быть окончательным», – строго сказал Тобуроков. Раз характер есть, его надо воспитывать всеми способами, считал охотник. Он терпеть не мог лишней болтовни, особенно бабской. Говорить нужно только по делу. А решения принимать самостоятельно.

Но Наташа пока молчала. И сама не очень понимала почему. Ей давно и сильно нравился биатлон: он объединял и лыжи, и стрельбу. По отдельности это тоже здорово, но вместе вообще прекрасно. С того самого момента, когда она впервые увидела трансляцию соревнований. И на могиле родителей она точно для себя решила, что обязательно станет спортсменкой и чемпионкой. Но, видимо, врожденное охотничье чутье подсказывало, что еще не настало время открыться.

Наверное, психологи сказали бы, что она подсознательно боится перемен. После драматической истории с нападением на поселение и вынужденной жизни в детском доме девочка нашла, наконец, в семье Тобуроковых покой и уют, которых была лишена. И теперь добровольно выйти из этого мирка в огромную незнакомую жизнь было слишком большим и страшным шагом для нее. Наташа собиралась с силами.

Правда, вскоре судьба внесла свои коррективы в принятые решения. На зимние каникулы в деревню приехал Васька. Только теперь уже ни у кого не повернулся бы язык так его назвать, даже у Наташи и даже в мыслях. И без того высокий, парень вытянулся еще больше. Теперь это был молодой спортсмен Василий. Вася. Подтянутый и модный, он гордо и стремительно носился по проселочной дороге на своих дорогих лыжах «Фишерах» эффектным коньковым ходом, которому девочка так и не выучилась.

Наташа часто видела Васю, идя на охоту или возвращаясь с нее с Тобуроковым. Но поговорить или даже просто поздороваться им пока не довелось. Только на Рождество, когда все жители деревни набились в небольшую церквушку на праздничную службу, а потом пошли вокруг крестным ходом, Наташа и Вася оказались рядом в толпе и поздоровались. Настроение по случаю праздника у обоих было светлое и теплое. Оба в этот момент поняли, что просто стали взрослыми. И мелкие детские обиды давно остались далеко.

Наутро в деревушке стояла тишина. Все отсыпались после всенощной. Но Наташа проснулась рано. На душе было одновременно светло и тревожно. Волнение не давало ей сидеть на месте, она оделась и вышла на пустую заснеженную улицу, просто так, без школьного портфеля, без лыж или винтовки. Впервые у нее не было понятной цели, и это было странное ощущение, похожее на свободу. Она просто пошла мимо домиков к лесу.

И тут на опушке она увидела знакомую высокую фигуру. Василий мчался из леса на своих беговых лыжах. Наташа пошла ему навстречу.

– Лыжню! – крикнул он стандартный клич лыжников при обгоне. Наташа отошла в сторону и сказала, когда они поравнялись:

– Привет.

– Привет, – ответил Василий, снизив скорость, – ты чего тут? Стрелять идешь?

– Нет, просто гуляю, – сказала Наташа, – а ты классно катаешься. Сам научился?

– Ты что, я же в спортшколу поступил! В Горно-Алтайске! – гордо заявил Василий.

Он уже совсем не был похож на того обидчивого и неуверенного Ваську, который стащил у отца наградной «Макаров» и не знал, что теперь с ним делать.

– Ого, – уважительно кивнула Наташа, мучительно пытаюсь скрыть зависть, – и как? Нравится? Биатлон?

– Не, просто лыжи. Лыжные гонки. Стреляю я неважно, да и не люблю. Это вот тебе на биатлон надо. Ты же стрелок от Бога. Только лыжи подтяни.

Наташа вздохнула.

– Куда мне до тебя... А в спортшколе как?

– Ну... я лучший в группе, тренеры хвалят, обещают поставить на областную гонку в феврале. Вот и тренируюсь. Я хочу к двадцати пяти годам выиграть Олимпиаду. Тренер говорит, у меня все шансы!

Наташа почувствовала, как жгучая зависть разливается у нее внутри. Она завидовала Васиной красивой жизни. Мало того что сын майора, так еще и лучший лыжник в группе с шансами выиграть Олимпиаду! Чем она хуже, в конце концов!

– Тобурокова, ты тут? – Вася дернул ее за плечо.

– Да, – очнулась Наташа. В ее взгляде снова блеснула сталь, Вася поежился, как когда-то в детстве, когда стоял перед ней с отцовским пистолетом.

– Не выспалась, – буркнула Наташа, – ну давай, удачи тебе там с Олимпиадой.

И она зашагала обратно, опустив голову. Настроения больше не было. Вернувшись домой, Наташа увидела, что Егор Иванович и Мария Николаевна завтракают. Девушка только быстро скинула валенки в сених и, не снимая тулупа, ворвалась в дом.

– Я хочу в спортшколу! В город! – неожиданно для себя выпалила девочка.

Тобуроков отложил ложку и улыбнулся. Он долго ждал этого разговора и был к нему готов.

– Разденься сперва, Наталья, руки вымой, сядь поешь, а после поговорим.

Дождавшись, когда Наташа съест кашу, Тобуроков сказал Марии Николаевне, собирающейся мыть посуду:

– Погоди, Марья, после погремишь, поговорить нам надо.

Жена послушно вышла и села в другой комнате за вязание.

– И что ты будешь в спортшколе делать, Наталья? – поинтересовался у девочки Тобуроков.

– Тренироваться! Стрелять! На лыжах бегать!

– А учиться?

– Учиться, тренироваться, какая разница, как называется, – не поняла Наташа.

– Нет, Наталья, тебе надо будет и тренироваться, и учиться в школе, а ты и так не особо успеваешь.

– Дядя Егор, все я успеваю, – насупилась девочка. Она не любила препятствий. Легко пасовала перед ними. Тобуроков знал это слабое место своей подопечной и всячески пытался закалить ее. Для охотника упорство и выносливость очень нужны. А для спортсмена и подавно.

– Принесешь мне через две недели пятерку по русскому и дюжину товарных белок, тогда и поговорим о спортшколе, – сказал Тобуроков, вставая.

– Марья, – крикнул он в комнату, – собери мне сумку, в райцентр съезжу. Поесть там чего положи с собой, я дня на четыре.

Обиженная Наташа ушла в свою комнату. Она посидела у окна, повздыхала, проводила взглядом Егора Ивановича. А потом достала учебники по русскому языку.

Через две недели Наташа принесла Тобурокову пятерку за диктант и двенадцать беличьих шкурок без единого брака. Зверьки были подстрелены точно в глаз. Шкурки с тушек девочка сняла сама, хотя обычно брезговала возиться в крови и этим занимался Егор Иванович.

– Сколько отбраковала? – пытаюсь быть строгим, спросил старик.

– Две, – гордо ответила девочка.

– Что ж, – сказал Тобуроков, садясь на скамью в сарае.

Он рассказал девочке, что съездил в районную спортшколу. Но там нет тренера по биатлону и в ближайшие годы не будет. Нет места и возможности организовать учебную трассу. Но ему рассказали, что есть в Новосибирске тренер Валерьянов, тренирующий в спортшколе олимпийского резерва на базе обычной школы-интерната. Тренер он немолодой, его ругают за старомодную систему тренировок, но двух чемпионов области он все же вырастил. И если Наташа всерьез решила заниматься биатлоном, надо ехать к нему в город, больше чем за триста километров.

Девочка разволновалась. С одной стороны, мечта была уже почти в ее руках. Вот он, неизвестный еще Валерьянов, который поможет ей взойти на пьедестал. Но, с другой стороны, переезд в Новосибирск ужасно ее пугал. Это же огромный город. Как она там вообще будет жить? Где? С кем?

– Если страшно, Наталья, сиди дома, – раззадоривал ее, смеясь, старик Тобуроков.

– Хочу, поедем, – бледнея, шептала Наташа.

Вечером она пришла домой к Васе и словно Терминатор проговорила безжизненным голосом фразу, которую репетировала перед зеркалом несколько часов:

– Вася, а позанимайся, пожалуйста, со мной лыжами. Я тоже хочу в спортшколу поступить.

Глава двенадцатая

Эти каникулы стали для Наташи особенно невыносимыми. Она разрывалась между желанием учиться в ДЮСШ¹ и нежеланием покинуть тайгу. А прогулки по тайге заставляли все больше погружаться в мысли о предстоящей разлуке со всем, что было для нее родным. А самое главное – со своей дикой свободой.

Рано утром Наталья, уже крепкая и симпатичная девушка-подросток, вышла из избы. День стоял солнечный. Снег искрился и игриво скрипел под валенками. Заиндевелые березы, застывшие белыми кораллами на фоне небесного аквамарина, высоченные кедры в белых шапках, замерзший пруд – все было живым, печальным и говорило «прощай».

Девочка остановилась. На душе было напряженно и непонятно. Тишину раннего утра нарушало только редкое чириканье невидимых птиц. Наташа легла на спину и уперлась взглядом в бесконечную голубую высь. Ей вдруг показалось, что такое небо она видит в последний раз в жизни. Бескрайнее, чистое, спокойное, оно казалось хрустальным: тронешь – зазвенит переливчато, тонко и красиво. Как не сломать этот тонкий хрусталь? Как донести его с собой до олимпийского пьедестала?

– Мама, папа! Помогите мне не бояться будущего! Будьте со мной! И пусть это небо, тайга, моя комнатка и... Тобуроковы... которые столько для меня сделали... всегда живут в моем сердце. – Комок подкатил к горлу, но Наталья быстро поднялась и решительно зашагала к дому.

– Телячьи нежности! – вспомнила она выражение. – Я стану биатлонистом, папа! Вот увидишь! И ты тоже, дядя Егор! И ты, тетя Маруся! И Васька! Вы все! Весь мир!

Мария Николаевна и Егор Иванович старательно делали вид, что ничего особенного не происходит. Они стали мягче общаться с Наташей, как с обычной девочкой, а не суровой охотницей, и старались не лезть к ней в душу, понимая, что ей и так тяжело.

Когда Наталья зашла в кухню, повисло напряженное молчание.

– Завтрак ставь, – два слова деда свинцовыми пулями упали на стол. За едой охотник все же завел разговор об отъезде.

– Значит, так, Наталья. Жить будешь в общежитии на территории школы-интерната. В ней же ты получишь аттестат о среднем образовании.

Мария Николаевна только вздохнула. То детдом, то общага – детство называется.

– Условия в общежитии хорошие: там есть и комнаты отдыха, и комнаты для выполнения домашнего задания. Кормят почти по-домашнему. Чисто, красиво. Все условия, одним словом. Вот. Ну самое главное, чтобы тебя взял к себе этот тренер, Валерьянов. – Он отхлебнул чаю. – А к нему так просто не попасть. Вроде закрывается набор у него, так что будут... как их... тесты! Но если поступишь к нему в группу, в ДЮСШ, потом тебя могут взять в Школу олимпийского резерва, а захочешь, может, и в институт поступишь... Все будет зависеть от твоего усердия.

Глаза Наташи светились. Ее воображение уже рисовало картины новой жизни. Но вдруг взгляд погас.

– Дядь Егор, а как же вы с тетей Марусей? Как я буду там жить без вас?

– Приезжать будем к тебе, когда сможем. Путь-то неблизкий! А может, и забирать тебя удастся, когда учеба позволит. Рано пока загадывать-то. Все под Богом ходим... Ладно, хорош лясы точить. Каша стынет. Поступи сначала.

¹ Детско-юношеская спортивная школа.

Больше о спортшколе не говорили. Но Тобуроков хотел, чтобы потом, в далеком Новосибирске, Наташе было что вспомнить о приемном отце и о тайге. Поэтому решил сводить ее в поход, который назвал «дембельским аккордом».

– Пусть девчонка духом лесным напитается, – сказал он жене. – Легче будет с этими тестами. Пойдем на кабана. Нам мясо нужно. И пукалку свою оставь. Бери двустволку.

Глава тринадцатая

С появлением первых солнечных лучей Наташа открыла глаза. Погода стояла на удивление радостная и светлая, как и настроение девочки. Посмотрев на готовящего в котелке завтрак Егора Ивановича, она потянулась и вскочила на ноги, сильная и энергичная, готовая снова приступить к выжиданию дикого кабана. До этого она еще ни разу не охотилась на такое крупное и опасное животное, да и из двустволки стреляла всего несколько раз.

Кабана решили бить, используя стрельбу на засидках. Зверье поджидали в засаде рядом с засохшей речонкой, где кабаны принимали грязевые ванны и ели желуди. На тропинках были видны следы копыт и помета и «порои» – борозды, вырытые копытами и клыками.

Еще вчера Тобуроков выбрал лучшее место засидки, учитывая свет и направление ветра. Охотник долго поднимал вверх палец, чтобы поймать ветер: кабаны очень осторожны, когда выходят из густых зарослей на открытые места кормежки, они долго нюхают воздух и осматриваются. Поэтому засаду устроили на пригорке, на который можно было перебраться по поваленному дереву через ручей. Звери бы туда не забрались, а их тропинка видна как на ладони.

Это был особенный день, и Наташа с восторгом чувствовала всю напряженность и какую-то особенность момента, ощущала всю мощь оружия и зверя, который бродил неподалеку, матерого секача весом под триста килограммов. Разговаривали мало, большую часть просто сидели на бревне, закрытом кустами, наслаждаясь тишиной.

– Слышь, Наталья, – изредка начинал Егор Иванович.

После этого они одновременно начинали вслушиваться в звуки, доносившиеся сначала издалека, а после нескольких секунд природа вокруг оживала, наполнялась новыми мелодиями и настроением. А охотник скупно и немногословно говорил то, что собирался сказать еще давно, да не было то времени, то желания...

– Цель – главное в этой жизни, Наталья. Цель. Для чего ты тут. Решай, сама решай. Тут только тебе решать.

А потом:

– Человек счастливым должен быть. А счастье – это не только когда тебе хорошо. Это еще и рост. Вот ты это самое и пойми, когда тебе хорошо и куда тебе расти.

– Ну, поболтали и будет, – заканчивал свою краткую речь старик.

Но давал он в эти минуты гораздо большее, чем то, что можно было передать словами. За то время, что девушка провела вместе с Егором Ивановичем, она научилась понимать его еще до того, как он открывал рот. Все слова сводились к указаниям и редким похвалам.

Охота с Тобуроковым отличалась от каждодневных походов в лес. Наташа зачарованно наблюдала за повадками бывалого охотника, за его аккуратными шагами, скупыми и точными движениями. В том, как он боготворил лес, было что-то чарующее, древнее, языческое. Отвыкший от разговоров, этот на вид хмурый пожилой человек полностью преобразался, когда начинал обустраивать привал, собирал сушняк и дрова для костра, ставил палатку, шел по следу зверя.

В этот раз стадо кабанов выслеживать пришлось долго. Более двух дней шли они по следу, пока Тобуроков не сказал:

– Стоп. Тут их дневка. Стадо вроде небольшое, но секач матерый, вон бивни какие. А схоронимся мы вон там, на пригорочке. Ночью они кормиться пойдут, там мы их и накроем. А пока подкормочку разбрасаем, пусть покушают.

Про охоту старик говорил четко и ясно. Секач – здоровенный кабан, прошибить его толстую шкуру сложно, поэтому бить надо наверняка: в сердце, под левую лопатку, сразу из обоих стволов, дуплетом.

Наконец солнце село, на небо вышла яркая луна. Охотники погасили костер и замолчали. Наташа начинала дремать, но Тобуроков толкнул ее в плечо.

– Скоро пойдут, вон вдалеке слышно. Шумят, как паровозы.

И действительно, где-то через полчаса в глубине леса начали раздаваться потрескивания веток и визг. Время замерло и растянулось. Любое неверное действие, и стадо убежит в другую сторону. Но вот, наконец, ожидание увенчалось успехом. Кабаны появились в зоне выстрела. Вожак, матерый секач с огромными бивнями, долго стоял замерев, прислушиваясь и принохиваясь, но, не обнаружив ничего подозрительного, с громким хрюканьем побежал на полянку, а за ним ринулись и остальные свиньи. Они сразу начали лакомиться грибами, зерном. У Наташи все перемешалось, мысли, чувства, вспомнилась белка, такая милая и беззащитная, глаза Тобурокова, глаза кабана, горизонтальная ось вдоль огромной мохнатой туши...

Выстрел. И еще два, один сразу за другим: Егор Иванович выстрелил дуплетом. Вожак рухнул на землю. Стадо с визгом ринулось в чащу.

– Молодец, метко ты это. – Похвала старика как всегда немногословна. Зато чувствовалась искренность.

На обратном пути он был молчаливее и угрюмее обычного. По выражению его лица Наташа начала было волноваться, не случилось ли что с ним. Но мысль о прошедшей охоте полностью увлекла ее. Конечно, оставался легкий осадок, она еще не могла справиться с мыслью о том, что она убивает животное, но, вспоминая выражение гордости за ее успехи, с которым на нее смотрел Егор Иванович, Наташа улыбалась и переставала переживать. Когда они подходили к дому, свет уже не горел. Положив ружья и шкуру в сарай, мясо понесли домой и аккуратно положили в холодильник.

– Отлично у тебя это получается – стрелять. Ложись, завтра вставать рано, – сказал Тобуроков и, не добавив ни слова, ушел в свою комнату.

Не обратив на это особого внимания, может, из-за усталости, а может, из-за приятной удовлетворенности, Наташа как обычно пожелала старику спокойной ночи и пошла спать. Но, уже находясь в постели, ей снова вспомнилось сегодняшнее утро. Чувство, когда должно что-то произойти. Вспоминая охоту, Наташа провалилась в глубокий сон.

В этот раз на душе у Егора Ивановича было беспокойно, и он не понимал почему. Вот выросла охотница. Выросла. Секача завалила и глазом не моргнула. Точно в сердце. Отчего же так грустно? Выросла, выросла девочка. И не будет больше ее в жизни стариков. Засыпая с тяжелыми мыслями, Егор Иванович, возможно, первый раз в жизни обдумывал предстоящий разговор.

Утром Наташа проснулась в приподнятом настроении, у нее перед глазами все еще находился вчерашний прицел, а утренний свежий воздух отдавал запахом пороха. В этот раз будить ее никто не пришел. Выходя к столу, она увидела Тобуроковых, сидящих за столом.

– Ешь и собирайся, – вставая из-за стола и направляясь к выходу, отчеканил Егор Иванович.

– Хорошо, – не привыкшая к долгим разговорам, ответила Наташа.

– Документы бери, смену белья, остальное там купим, – уже в дверях, не поворачиваясь, сказал он.

«Где – там»? – хотела спросить Наташа, но промолчала.

– Сейчас в райцентр, оттуда в Горно-Алтайск. Заночуем у Айгуль с Сашей, это сослуживец мой. Сейчас инструктор по стрельбе. В войсковой части... Спецназ тренирует. Из Горно-Алтайска до Бийска, потом в Барнаул, а там и до Новосибирска на автобусе рукой подать.

Не любил Егор Иванович поезда, уж больно звук от них сильный, дичь пугают.

Раньше речи об этом не заходило, но Наташа поняла, что дед уже все решил. Да и она сама – тоже.

Девушка закусила губу и посмотрела на Марию Николаевну, но вдруг увидела на ее лице то, что до этого никогда раньше не видела или не замечала. Грусть, когда понимаешь, что сильно привязался к человеку и совершенно не хочешь его от себя опускать, боль за ребенка, который вдруг снова окажется совсем один, стыд – а все ли смогла дать, всему научить, и печаль одиночества – вот и снова совсем одна...

Все эти эмоции разом отразились на лице пожилой женщины, и Наташа, всхлипнув, бросилась ей на грудь. Они прощались, как прощаются самые близкие друг другу люди, которые до этого толком ни о чем не поговорили, но уже поздно высказать все, что ранее умалчивалось, пожаловаться, пообсуждать, рассказать о своих мыслях, чувствах и переживаниях...

– Тетя Маруся... Тетя Маруся... – только могла вымолвить Наташа.

– Пора. – Прощание, оставшееся в памяти девочки на всю жизнь, было прервано как обычно резким, без эмоций словом охотника.

И вот Мария Николаевна уже провожала взглядом убегающую вслед за мужем приемную дочь. Не думала она, что настолько привяжется к этой еще недавно необщительной, обиженной на жизнь, не имеющей цели, маленькой запуганной девочке, и даже не могла представить, что та превратится в прекрасную охотницу, а теперь, может быть, и прекрасную спортсменку...

Поездка заняла больше времени, чем описывал дядя Егор. Мысли метались, Наташу укачивало, она всего несколько раз в жизни ездила на автобусе, и все переезды изменяли жизнь, не всегда в лучшую сторону. Девушка вспоминала, как она жила в детдоме совершенно одна, никому не нужная, насколько она была беззащитной перед другими детьми, сколько насмешек и шуток в свой адрес она вытерпела, как лес и Тобуроковы стали ей родными, как ей подарили первую винтовку и как она мечтала о прогулке с Васькой...

Со сложными, спутанными мыслями они прошли через проходную военной части. Часовой посмотрел документы и пропустил их внутрь, показав, где можно найти капитана Исинбаева.

Вдалеке гремели знакомые звуки выстрелов, которые успокоили Наташу.

– Надо собраться, – сказала себе она.

На стрельбище солдаты уже отстрелялись, они построились в шеренгу и покидали полигон, только несколько человек лежали на ковриках и производили выстрелы из винтовок.

Перед ними ходил невысокий пожилой мужчина в военной форме, с биноклем на шее. Они с Тобуროковым пожали руки и скупно обнялись. Потом мужчина протянул Наташе руку и сказал:

– Александр Иванович.

– Здравствуйте. Наташа.

– Наслышан-наслышан, Иваныч мне писал, наслышан... – привычка повторять все по несколько раз выдавала в нем настоящего тренера. – Значит, любишь на лыжах ходить – это правильно, это хорошо. А стреляешь как?

– Так это смотря по чему стрелять, – ответила Наташа.

– Лучше увидеть один раз, – вмешался в разговор Тобуроков.

– Твоя правда, Иваныч, – сказал Исинбаев. – Ну давай посмотрим. – Он подошел к одному из бойцов и взял у него винтовку: – Прекратить огонь! Допризывник Тобурокова, на огневой рубеж!

Наташа аж вздрогнула от того, как изменились голос и поведение на первый взгляд показавшегося ей добрым и понимающим капитана. Она легла на полипропиленовый коврик и переглянулась с дедом, наблюдавшим с интересом за тем, как Исинбаев зарядил винтовку, поставил ее на предохранитель и дал в руки девушке.

– Мишень номер один.

Мишень была очень далеко, маленькая черная фигурка на палке.

– Допризывник Тобурокова к стрельбе готова! – сказал Егор Иванович за Наталью чужим, высоким громким голосом.

Это было совершенно непривычное для нее состояние: она впервые готовилась к выстрелу под давлением десятков глаз. И тут у нее в голове вдруг завертелись картинками последняя охота, кабан, летящие в воздух картофелины, печальные черные глазки белки...

– Огонь! – гаркнул Исинбаев, уставившись в бинокль.

Затаив дыхание, Наташа медленно спустила предохранитель и медленно надавила на спусковой крючок.

Выстрел, второй, третий, для нее уже ничего не существовало вокруг, только она – винтовка – и мишень. Закончив стрельбу, Наташа привычным движением поставила оружие на предохранитель и рассеянно протянула его Исинбаеву.

– Допризывник Тобурокова стрельбу закончила, – сказал Егор Иванович незнакомым голосом, но уже не противным, а, наоборот, веселым и приятным. Наташа села на коврик по-турецки, а старый охотник потрепал ее по плечу сильной рукой.

– Посмотрим... – Исинбаев уже подходил с мишенью, точно пробитой в самом центре. – Интересно, практически все в десятке, и это из незнакомой винтовки. Хотя другого от ученицы Иваныча я и не ожидал. Ладно. Напишу я рекомендацию Валерьянову. Не знаю, послушает он бывшего инструктора, но в военном училище он меня очень уважал. – Исинбаев задумался, прищутив свои узкие глазки. – Говорил, я из него человека сделал. Он же хулиган был, Валерьянов-то. Из проблемной семьи, безотцовщина. Дрался, в самоволки бегал... А я вот приохотил его к стрельбе, и вон как вышло. Мастер спорта, Олимпиада... А был маленький, худенький... злой, как волчонок.

От этих слов у Наташи защемило сердце.

Глава четырнадцатая

Тобуроков с Наташей сошли с поезда на главном железнодорожном вокзале Новосибирска. Наташа удивленно оглядывалась по сторонам: здание было огромным и красивым, везде бегали люди, много людей, а самое главное – вокруг настоящий город! Все было непривычным и удивительным. Егор Иванович схватил Наташу за руку и потащил куда-то, но девушка гордо вырвалась и пошла рядом с ним, уже не отвлекаясь на то, чтобы крутиться по сторонам. Успеется.

Тобуроков никогда не понимал, как можно ориентироваться в сплетении улиц, а Наташа об этом и понятия не имела. Они смотрели на бумажку, которую дал Егору Ивановичу Исинбаев, спрашивали у прохожих. На метро было ехать страшновато, так что они пошли по улице Гоголя, потом по проспекту Дзержинского и, проблуждав битый час, наконец нашли спортшколу. Находилась она, к радости Наташи, на улице Биатлонной.

Егор Иванович, хмыкнув, подошел прямо к дверям, зашел внутрь. Наташа, не зная, что ей делать, осталась на улице, поставив сумку на лавочку. Но ждать долго не пришлось: Тобуроков выглянул из-за двери и махнул девочке рукой – заходи.

– Вот кого показать хочу, – указал он на девушку.

Перед ним у самого входа стояла женщина средних лет и скептически смотрела на Наташу.

– Ну, я не знаю. Я, конечно, скажу Данишкину...

– Никаких Данишкиных, – сурово прервал ее охотник, – только к самому. К Валерьянову, который в олимпийский резерв готовит.

– Но, вы понимаете, процедура поступления к нам совсем другая... Я поговорю с...

– Так поговори, – отрубил Егор Иванович, – с Валерьяновым.

Женщина поморщилась и показала на часы:

– Через сорок минут у него заканчивается занятие. Подождите тут.

Тобуроков опустился на скамейку, вытянул усталые ноги и закрыл глаза.

– Будем ждать. – Ждать он умел и научил этому приемную дочь, но для нее сорок минут тянулись невыносимо долго. Она ходила взад-вперед по холлу и разглядывала стенд с фотографиями на стене. Там были юные спортсмены и спортсменки, ученики этой школы. Кто-то бежал гонку, кто-то стоял на пьедестале, кто-то радостно демонстрировал свои медали. Наташа вздохнула. Ей очень хотелось, чтобы ее фотография с золотой медалью тоже висела на этом стенде.

Наконец, в холле послышались шаги – семенящие, цокающие – женщины, которая так непристеливо их встретила, и размашистые и уверенные – как Наташа сразу поняла – Валерьянова.

Тренер подошел к ним. Ему было около пятидесяти, худой, поджарый, почти совсем лысый и с рыжеватой щетиной. Он был одет в дорогой спортивный костюм, а на шее болтался электронный секундомер.

– Это вы меня ждете? – критически оглядел он Тобурокова с Наташей.

– Ждем, – старик встал с лавочки. Он ответил не на тот вопрос тренера.

– Так... Пойдемте в мой кабинет. У меня есть минут пятнадцать...

В кабинете Валерьянов жестом пригласил гостей присесть, а сам остался стоять, опираясь на подоконник.

– И что вы хотели?

– Я воспитанницу привез. Хочет биатлону учиться. На лыжах бегать сам учил, стрелять тоже. Она уже и белкам шкурки не портит совсем, – не без гордости отрапортовал Тобуроков.

– Ну, это, конечно, похвально, – заметил Валерьянов. – Только что ж вы так поздно спохватились?

– А что, уже поздно? – вдруг со страхом в голосе переспросила Наташа.

Валерьянов кивнул.

– Группы уже набраны, мест нет. Конечно, в исключительных случаях бывает... – тренер снова критически взглянул на Наташу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.